

ГЛАВА VII.

Бѣлинскій.

«Неумытный реалистъ по темпераменту и натурѣ — Виссаріонъ Бѣлинскій»: эти позднѣйшія слова Бакунина (въ письмѣ къ Герцену и Огареву отъ 23 ноября 1869 года) какъ нельзя лучше характеризуютъ сущность міропониманія «неистоваго Виссаріона». Онъ былъ глубочайшій реалистъ по психологическому типу познванія, и въ то же время ему пришлось быть главнѣйшимъ выразителемъ философскаго романтизма въ литературѣ тридцатыхъ годовъ. Только мало-помалу съ громаднымъ трудомъ и послѣ многихъ «зигзаговъ развитія» пришелъ Бѣлинскій къ свойственному ему реалистическому міропониманію.

Изъ предыдущей главы мы знаемъ, въ чемъ выражался философскій романтизмъ русской интеллигенціи тридцатыхъ годовъ; но теперь надо подчеркнуть, что и въ этой области русскій романтизмъ могъ быть и былъ только псевдо-романтизмомъ. Изъ шеллингянства, этой геніальнѣйшей философской романтики всего XIX-го вѣка, русскій романтизмъ взялъ только нѣсколько руководящихъ этическихъ и болѣе всего эстетическихъ принциповъ; все остальное и наиболѣе существенное въ философіи Шеллинга только весьма поверхностно было затронуто членами кружка Станкевича. Они почти не затрагивали въ своихъ бесѣдахъ и спорахъ основныхъ пунктовъ шеллингянства — тождества субъекта и объекта въ Абсолютномъ, проникновенія въ Абсолютное путемъ интеллектуальнаго воззрѣнія (*Anschauung*), «геніальной интуиціи»; и въ то же время они усиленно разрабатывали побочные мотивы шеллингянства, главнымъ образомъ его эстетическіе принципы; вліяніе шеллингянства сказалось впоследствии

на Бѣлинскомъ, на его эстетическихъ воззрѣнiяхъ, на его органической теорiи общества — и только. И это вполне естественно. Молодая русская интеллигенція черпала изъ великихъ нѣмецкихъ мыслителей XIX-го вѣка только то, что представляло для нея практической интересъ въ выработкѣ мировоззрѣнiя, особенно его эстетическихъ и этическихъ сторонъ; теорiя познания и метафизика неизбежно отходили на второй планъ, и это было тѣмъ неизбежнымъ, что Кантъ оставался, какъ мы это видѣли, и для Бакунина, и для Станкевича, а значитъ и для прочихъ членовъ кружка — книгою за семью печатями. Неудивительно послѣ этого, что на русской почвѣ и Шеллингъ, и Фихте, и Гегель получили самую неожиданную окраску; они были изложены и передѣланы *ad usum delphini*... За Бѣлинскимъ особенно надо признать яркое свойство несомнѣнной способности индивидуализировать усвояемые взгляды и положенiя.

Мы отмѣтили въ предыдущей главѣ, что въ периодъ увлеченiя шеллингианствомъ (приблизительно до 1836 года) два вопроса занимали главнымъ образомъ представителей русскаго философскаго романтизма: вопросъ объ искусствѣ и вопросъ о чувствѣ любви — два вопроса, конечно, тѣсно связанные между собой, въ рѣшенiи которыхъ должно было проявиться, насколько русскiй философскiй романтизмъ является истиннымъ романтизмомъ. Недаромъ Бѣлинскiй заявлялъ, что «любовь — по преимуществу романтическое чувство». Въ интересной статьѣ Милюкова «Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ» послѣднiй вопросъ разобранъ подробно и на основанiи еще не изданныхъ документовъ (письма Бѣлинскаго къ Бакунинимъ). Въ любви наши философскiе романтики искали возможности выйти «за предѣлы предѣльнаго»; для Станкевича «любовь — родъ религи, которая должна наполнять каждое мгновенiе, каждую точку жизни»; любовь — чувство мистическое, запредѣльное, создающее особый миръ души человѣческой, позволяющее приблизиться къ какой-то тайнѣ природы, приближающее и даже сливающее насъ съ Абсолютнымъ. Но насколько весь этотъ романтизмъ былъ наносный, ясно видно изъ того жестокаго краха, который такъ скоро постигъ эту теорiю: къ концу эпохи шеллингианства романтическая теорiя любви замѣняется ультра-реалистической, болѣе сродной идеалистамъ тридцатыхъ годовъ. Къ этому времени самъ Станкевичъ вполне ясно понималъ, въ чемъ коренилась причина паденiя этой теорiи: она не имѣла корней въ натурѣ русскаго интеллигента той эпохи; она уносила «за предѣлы предѣльнаго», въ то время какъ идеалистъ тридцатыхъ годовъ,

по признанію Бѣлинскаго, былъ «весь земной». Свое неопредѣленное стремленіе куда-то люди тридцатыхъ годовъ склонны были принимать за романтизмъ; но вѣдь мы уже видѣли, что романтизмомъ можетъ быть названо не всякое неудовлетворенное чувство (яркій примѣръ — Жуковскій). Этотъ псевдо-романтизмъ былъ наноснымъ чувствомъ, причинившимъ много горя людямъ тридцатыхъ годовъ съ ихъ реалистической подоплекой. Совершенно вѣрно говорилъ Станкевичъ: «дѣйствительность есть поприще настоящаго, сильнаго чело-вѣка, слабая душа живетъ въ jenseits, въ стремленіи — и стремленіи неопредѣленномъ; . . . какъ скоро это неопредѣленное сдѣлалось etwas, опредѣленнымъ, душа опять выбивается за предѣлы дѣйствительности. Это моя исторія; вотъ явная причина всей бѣды» (письмо къ Бакунину, 9 янв. 1838 г.). Причина «бѣды» была вскрыта; Бѣлинскій вполнѣ вѣдѣніи еще ярче созналъ свою связь съ дѣйствительностью и разорвалъ съ несвойственнымъ ему стремленіемъ къ неопредѣленному. Это сознаніе и этотъ разрывъ отдѣляютъ сильныхъ людей, интеллигентовъ сороковыхъ годовъ отъ слабыхъ лишнихъ людей, вѣчно раздираемыхъ между романтическими порывами и реалистическими тяготѣніями.

Мы уже знаемъ, что вліяніе шеллингианства было наиболѣе осязательнымъ въ области эстетическихъ принциповъ, ярко сказавшихся въ первыхъ критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго (за 1834—1835 гг.) *Эстетическій индивидуализмъ* — вотъ что наиболѣе ярко характеризуетъ Бѣлинскаго перваго періода, а значитъ и весь кружокъ, глашатаемъ котораго былъ нашъ великій критикъ. Общеизвѣстна та теорія искусства, которая царила тогда въ кружкѣ Станкевича и еще ранѣе въ кружкѣ Веневитинова; эту же теорію излагаетъ и Бѣлинскій въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ» (1834 г.). «Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной Идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи». Для чело-вѣка міръ есть проявленіе Абсолютнаго въ относительномъ, безконечнаго въ конечномъ, а искусство есть не что иное, какъ «выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно разнообразныхъ явленіяхъ»... «Изображать, воспроизводить въ словѣ, звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы: вотъ единая и вѣчная тема искусства!» Очевидно, что это есть признаніе той самой теоріи искусства для искусства, которую мы подробно изложили въ предъидущей главѣ словами самого Шеллинга. Бѣлинскій повторяетъ, что «цѣль вредитъ

поэзии», что «поэзия не имѣетъ цѣли внѣ себя»; вдохновеніе художника свободно, какъ свободенъ орелъ, и только жалкіе филистеры могутъ возставать противъ такого эстетическаго индивидуализма. Отсюда понятна ненависть Бѣлинскаго ко всякаго рода «рефлектированной поэзии»; но, съ другой стороны, необходимо отмѣтить, что Бѣлинскій всегда былъ чуждъ того эстетизма, который строго ограничивалъ человѣка рамками одного «чистаго» искусства. Для романтика-шеллингянца такое ограниченіе было не имѣющимъ смысла, ибо искусство не есть нѣчто сухое, отсѣченное отъ жизни, а напротивъ, искусство это сама безконечная жизнь, «выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ». Вотъ почему для Бѣлинскаго «зенитомъ художественнаго творчества» является «безпристрастіе, холодность поэта», «поэтъ не судья, а свидѣтель и свидѣтель безпристрастный», и въ то же время поэтъ долженъ «обнимать природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ». Противорѣчіе здѣсь только внѣшнее, ибо и самъ Бѣлинскій ясно высказывалъ ту мысль, что требуется имъ безпристрастіе поэта не есть еще его безстрастіе; въ своихъ письмахъ о «Мочаловѣ въ роли Гамлета» (1838 г.) Бѣлинскій ставитъ точки надъ і; «эта объективность совсѣмъ не есть безстрастіе, — заявляетъ онъ: — безстрастіе разрушаетъ поэзію». Итакъ, требованіе искусства для искусства не обособляетъ поэта отъ окружающей его жизни, эстетическій индивидуализмъ не вырождается въ эстетизмъ; напротивъ, поэтъ долженъ стоять въ самомъ центрѣ жизни и не можетъ не стоять въ немъ, ибо «поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы». Поэтъ стоитъ въ серединѣ жизни и не уклоняется отъ нея: «жизнь — есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба... Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды; а безъ дѣйствованія нѣтъ жизни». Но, переживая жизнь какъ человѣкъ, поэтъ долженъ изображать ее *sine ira et studio*, не увлекаясь предвзятой цѣлью: только тогда онъ будетъ истиннымъ поэтомъ, только тогда его вдохновеніе будетъ отблескомъ творящей силы природы. Такова теорія Бѣлинскаго, — теорія, совпадающая въ главныхъ своихъ чертахъ съ принципами эстетическаго индивидуализма Пушкина; и здѣсь мы могли замѣтить два основныхъ пункта, выраженныхъ еще Пушкинымъ въ художественномъ творчествѣ: цѣль искусства — искусство, цѣль художника, какъ человѣка — сама жизнь.

Все это варьяціи на тему такъ называемой романтической теоріи искусства; но есть ли здѣсь хотя малая доля того, что понимали подъ романтизмомъ мы въ предшествовавшемъ изложеніи? Малая

доля, быть можетъ, и есть, но не больше: искусство все-таки считается отраженіемъ Абсолютнаго въ конечномъ, вдохновеніе является видомъ гениальной интуиціи, интеллектуальнаго воззрѣнія. Но въ то же самое время все яснѣе и яснѣе прорывается въ Бѣлинскомъ тяготѣніе къ землѣ. Въ статьѣ «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя» (1835 г.) Бѣлинскій раздѣляетъ искусство на идеальное и реальное, причѣмъ симпатіи его несомнѣнно лежатъ на сторонѣ послѣдняго, какъ выставляющаго впередъ реальную человѣческую личность. Древній грекъ, говоритъ Бѣлинскій, не признавалъ человѣка съ его свободной волей, съ его чувствами, мыслями, страданіями и радостями, «ибо онъ еще не сознавалъ своей индивидуальности, ибо его я исчезало въ я его народа»... Только вмѣстѣ съ христіанствомъ «родилась идея человѣка, существа индивидуальнаго, отдѣльнаго отъ народа, любопытнаго безъ отношенія, въ самомъ себѣ». Реальное искусство, реальная поэзія, занимающіяся воспроизведеніемъ дѣйствительности, обращаютъ свое главное вниманіе на эту реальную человѣческую личность: «вѣчный герой, неизмѣнный предметъ ея (реальной поэзіи) вдохновеній есть человѣкъ, существо самостоятельное, свободно дѣйствующее, индивидуальное, символъ міра, конечное его проявленіе»... Ясно, что одинъ эстетическій индивидуализмъ не удовлетворялъ Бѣлинскаго и что онъ мало-по-малу приходилъ къ индивидуализму этическому (какъ можно заключить по нѣкоторымъ чертамъ вышеприведенныхъ цитатъ); въ то же самое время онъ, какъ мы видимъ, все болѣе и болѣе тяготѣлъ къ «поэзіи дѣйствительности», столь сродной его натурѣ, равно какъ и натурѣ всѣхъ псевдо-романтиковъ тридцатыхъ годовъ. Какъ бы то ни было, но нельзя не подчеркнуть того факта, что въ періодъ шеллингянства Бѣлинскаго, въ первыхъ его статьяхъ, съ большой силой былъ провозглашенъ *приматъ реальной личности*, въ полномъ согласіи съ предшествовавшими въ этомъ направленіи шагами Карамзина, Жуковскаго и Пушкина.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о вліяніи шеллингянства на построеніе интеллигенціей тридцатыхъ годовъ своего рода органической теоріи общества, идеи индивидуальности каждаго народа,—мы еще встрѣтимся съ этой идеей въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Бѣлинскаго, — и пойдемъ далѣе за представителями русской интеллигенціи и за Бѣлинскимъ въ ихъ дальнѣйшихъ поискахъ правды-красоты, правды-справедливости и правды-истины. Правду-красоту они нашли — или думали, что нашли — руководствуясь Шеллингомъ; мы отмѣтили только-что, что они начали тяготѣть къ правдѣ-справедливости, къ разрѣшенію этическихъ проблемъ. Въ этихъ поискахъ

они взяли своимъ руководителемъ Фихте—и кого же они могли взять другого, какъ не этого величайшаго и гениальнѣйшаго изъ этиковъ XIX-го столѣтія, поставившаго этическіе запросы во главу угла всей своей философіи?

Съ философіей Фихте Бѣлинскій впервые познакомился черезъ членовъ кружка Станкевича въ 1836 г. и нашель въ ней отвѣтъ на давно занимавшіе его нравственные запросы, рѣшенія которыхъ онъ не могъ найти въ шеллингянствѣ, вобщемъ равнодушномъ къ проблемамъ этики. Фихте, какъ извѣстно, былъ настолько же равнодушенъ къ вопросамъ эстетики, а потому переходъ къ его философіи отнюдь не означалъ собою пересмотра уже выработанныхъ интеллигенціей тридцатыхъ годовъ эстетическихъ положеній; не было замѣны одной философской системы другой, а было простое дополненіе шеллингянства фихтианствомъ. Правда, и теорія познанія, и метафизика получили въ кружкѣ Станкевича нѣсколько фихтианскую окраску, но можно было рядомъ найти въ ихъ разговорахъ, письмахъ и статьяхъ и прежнее признаніе шеллингянскаго Абсолюта, и новое понятіе индивидуальной «дѣятельности духа», какъ основы философіи. Уже по одному этому можно заключить, что напрасно было бы искать въ русскомъ фихтианствѣ философіи Фихте въ ея чистомъ видѣ: духъ Фихте, надо думать, былъ бы крайне удивленъ если-бъ узналъ, что есть «внутренняя жизнь» съ состояніемъ «благодати», есть какое-то «прекраснодушіе» и «призрачная жизнь» толпы, и что все это соединяется съ его именемъ въ устахъ русскихъ интеллигентовъ тридцатыхъ годовъ. Но мы не будемъ говорить о томъ, насколько въ русскомъ фихтианствѣ есть элементъ философіи Фихте, а просто познакомимся съ этическими воззрѣніями русской интеллигенціи этой эпохи, независимо отъ того, какую надо поставить на нихъ этикетку.

Прежде всего въ русскомъ фихтианствѣ необходимо отмѣтить два его основные момента: во-первыхъ, его крайній *этический индивидуализмъ* и, во-вторыхъ, его крайнее *анти-мѣщанство*. «Дѣятельность духа» привела русскихъ фихтианцевъ къ пресловутой теоріи «внутренней жизни» или «жизни въ духѣ», которая состояла въ аристократическомъ возвышеніи надъ толпой и дѣйствительностью. Эта внутренняя жизнь въ духѣ и есть единственная реальность; все остальное — миражъ, фатаморгана. «Знакомство съ идеями Фихте благодаря тебѣ въ первый разъ убѣдило (и) меня, — писалъ впоследствии Бѣлинскій Бакунину, — что идеальная-то жизнь есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ назы-

ваемая дѣйствительная жизнь есть отрицаніе, призракъ, ничтожество, пустота»... (16 авг. 1837 г.). Единственная реальность — это индивидуальное «я»; въ немъ вся жизнь, полная и абсолютная; эмпирическая дѣйствительность миѡчна: «ты первый—продолжаетъ Бѣлинскій—уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фикціанскую отвлеченность». Такъ совершился насильственный разрывъ Бѣлинскаго съ реализмомъ, къ которому онъ уже былъ такъ близокъ въ своихъ статьяхъ перваго періода; но разрывъ этотъ былъ, какъ мы увидимъ, очень кратковременнымъ: вся полоса фикціанства продолжалась у Бѣлинскаго только одинъ годъ (1836—1837 г.). Однако это отрицаніе дѣйствительности «внѣшней жизни» имѣло громадное значеніе для крайняго анти-мѣщанства русской интеллигенціи этого періода во главѣ съ Бѣлинскимъ.

«Внѣшняя жизнь», обычно принимаемая за дѣйствительность, есть не что иное, какъ иллюзія и въ то же время полнѣйшее этическое мѣщанство. Мѣщанство того, что обычно принимается за самую суть жизни—вѣдь это именно та точка зрѣнія, которая была, какъ мы видѣли, такъ характерна для Лермонтова; *русское фикціанство подводило философскій фундаментъ подъ самыя глубокія, самыя крайнія мысли величайшаго изъ враговъ этического мѣщанства, автора «Думы» и «Мцыри»*. Но все-таки и русскіе фикціанцы и Лермонтовъ видѣли индивидуалистическій просвѣтъ на темномъ фонѣ мѣщанства: Лермонтовъ—въ полной, цѣльной, реальной жизни, фикціанцы—въ жизни идеальной, абсолютной, внутренней. Жизнь внѣшняя—это жизнь толпы, это воплощеніе пошлости; вмѣсто этическихъ принциповъ эта толпа питается «нравственной точкой зрѣнія», книжной моралью; вмѣсто свободной дѣятельности духа толпа эта погрязаетъ въ мелкихъ условностяхъ призрачной дѣйствительности. Про это этическое мѣщанство говоритъ Бѣлинскій, когда пишетъ въ томъ же письмѣ къ своему «философскому другу»: «я презираю и ненавижу добродѣтель безъ любви, и скорѣе рѣшусь стремглавъ броситься въ бездну порока и разврата... нежели... быть... добрымъ по расчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобы другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобы ближній не рѣзалъ меня»...; и далѣе: «лучше быть падшимъ ангеломъ, т.-е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкою»... Здѣсь идетъ борьба съ «нравственной точкой зрѣнія» этического мѣщанства, и въ этомъ случаѣ философскій романтизмъ, вполне согласно съ тенденціей романтизма вообще,

рѣзко разрываетъ съ обыденностью, которая для него въ данномъ случаѣ отождествляется съ «внѣшной жизнью».

Такъ проявлялось у людей тридцатыхъ годовъ рѣзкое *этическое анти-мѣщанство*, сохранившее всю свою силу и въ послѣдствіи, когда фихтианство на русской почвѣ стало уже дѣломъ давно минувшихъ дней. Здѣсь мы встрѣчаемся однако съ нѣкоторыми «но»: необходимо ввести одну поправку и указать на то, что въ самый разгаръ русскаго фихтианства (1836—1837 г.) у представителей его мы находимъ такія черты мѣщанства, затушевать которыя было бы вполне безуспѣшной попыткой. И это мимолетное мѣщанство интеллигенціи тридцатыхъ годовъ было слѣдствіемъ ея крайняго *этической индивидуализма*, доведеннаго до своихъ послѣднихъ предѣловъ.

Какъ это могло случиться?—Дѣло въ томъ, что, призвавъ Фихте для разрѣшенія этическихъ запросовъ, интеллигенція тридцатыхъ годовъ пошла гораздо дальше и въ сторону отъ своего учителя. «Человѣкъ—самоцѣль»; этотъ основной принципъ этического индивидуализма (выраженный Фихте словами: «мысли и дѣйствуй согласно твоей индивидуальности») былъ, конечно, положенъ во главу угла и русскими фихтианцами при постройкѣ ими этической стороны своего мировоззрѣнія. Мы уже видѣли, что зачатки этического индивидуализма можно найти въ статьяхъ перваго періода дѣятельности Бѣлинскаго, онъ ясно указываетъ въ нихъ, что человѣкъ есть цѣль самъ по себѣ и что на этомъ принципѣ только и можетъ быть построена нравственность, въ отличіе отъ мѣщанской нравственной точки зрѣнія. «Что такое нравственность? Въ чемъ должна состоять нравственность? — спрашиваетъ Бѣлинскій (въ рецензіи на романъ «Сынъ моей жены»), и отвѣчаетъ: — въ твердомъ, глубокомъ убѣжденіи, въ пламенной, непоколебимой вѣрѣ въ достоинство человѣка, въ его высокое назначеніе». Однако прежде (въ «Литературныхъ мечтаніяхъ») этической принципъ еще не былъ обрисованъ достаточно отчетливо, и Бѣлинскій предлагалъ даже каждой индивидуальности «попирать ногами свое своекорыстное я» и тяжкимъ крестомъ выстрадать безсмертіе, «которое должно состоять въ уничтоженіи своего я», въ сліяніи съ Богомъ. Теперь дѣло мѣняется. Фихтианство закрѣпило на русской почвѣ этической индивидуализмъ признаніемъ автономіи человѣческой индивидуальности, реальной личности; толчокъ въ этомъ направленіи, данный философіей Фихте, оказался слишкомъ сильнымъ, и русская мысль, не будучи въ состояніи удержаться на этическомъ индивидуализмѣ, покатила подъ уклонъ

~~этической ультра-индивидуализма.~~ Здѣсь-то и сторожило русскую интеллигенцію столь ненавистное ей мѣщанство.

Въ одной изъ своихъ статей, лежащихъ на рубежѣ шеллингианства и фиктианства (статья про книгу «Опытъ системы нравственной философіи», 1836 г.), Бѣлинскій, самъ того не сознавая, дѣлаетъ этотъ крайне опасный шагъ по направленію къ мѣщанскому болоту. Каждый отдѣльный индивидуумъ, заявляетъ Бѣлинскій, развиваетъ собою какую-нибудь одну сторону сознанія, а потому полного и совершеннаго развитія сознанія можетъ достигнуть только человѣчество въ своемъ историческомъ развитіи. «Всякій индивидъ есть членъ, есть часть этого великаго цѣлаго, есть сотрудникъ и споспѣшествователь его къ достиженію его цѣли»... Каждый человѣкъ долженъ любить человѣчество, какъ идею полного развитія сознанія, которое составляетъ и его собственную цѣль»... До сихъ поръ это только варіаціи на тему изъ Шеллинга, но немного далѣе сказываются уже и элементы фиктианства: «эта сладкая вѣра и это святое убѣжденіе въ безконечномъ совершенствованіи человѣческаго рода должны обязывать насъ къ нашему личному, индивидуальному совершенствованію»... Вотъ начало опасной проповѣди самосовершенствованія, приведшей людей тридцатыхъ годовъ вообще и Бѣлинскаго въ частности къ тому самому мѣщанству, съ которымъ они, казалось, окончательно порвали. Нѣсколько позже, уже на исходѣ своего фиктианства, Бѣлинскій безповоротно сталъ на эту ультраиндивидуалистическую точку зрѣнія, призналъ, что самосовершенствованіе an und für sich есть конечная цѣль, краеугольный камень міровоззрѣнія; отсюда въ концѣ концовъ неизбѣжно было принятіе имъ и теоріи постепеновства, и теоріи малыхъ дѣлъ. Все это Бѣлинскій ярко высказалъ въ письмѣ отъ 7 авг. 1837 г., глубоко интересномъ для характеристики его взглядовъ этого періода; въ немъ уже звучитъ неизбѣжная для ультра-индивидуалиста нотка этико-соціологическаго номинализма, противорѣчащая шеллингианскимъ взглядамъ на народъ и человѣчество. Фиктианство заводило Бѣлинскаго въ безвыходный тупикъ мѣщанства; теорія самосовершенствованія была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ преклоненія передъ «внутренней жизнью», этой аристократической дѣятельностью духа. Въ теоріи самосовершенствованія лежитъ основаніе и христіанства Бѣлинскаго; христіанская мораль влекла его какъ мораль самосовершенствованія, хотя она была дорога ему и по той причинѣ, что она обновила человѣчество идеей личности. Индивидуализмъ Бѣлинскаго здѣсь несомнѣненъ; теперь онъ уже не обращается къ индивидууму съ совѣтомъ поправить ногами

свое я, не считаетъ безсмертіемъ уничтоженіе своего я въ Абсолютѣ: теперь (и даже въ послѣдствіи, вплоть до своей ссоры съ Гегелемъ, т.-е. до середины 1840 г.) для него «безсмертіе индивидуальнаго духа»—краеугольный камень христіанства (см. письмо къ Боткину, 1 марта 1840 г.). Но во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ этотъ индивидуализмъ, онъ не искупаетъ этого — скажемъ уже прямо—*мѣщанства Бѣлинскаго*, выразившагося въ его теоріи самовершенствованія, постепенности и малыхъ дѣлъ. Бѣлинскій и мѣщанство!—какъ ни дико звучитъ такое сочетаніе словъ, соединеніе умѣренности и аккуратности съ именемъ неистоваго Виссаріона, но отмѣченный нами выше этической ультра-индивидуализмъ неизбѣжно приводилъ къ мѣщанству, и этого періода нельзя вычеркнуть изъ жизни величайшаго изъ представителей русской интеллигенціи той эпохи. Въ послѣдствіи самъ Бѣлинскій съ негодованіемъ признавалъ свое бывшее мѣщанство, вспоминая о своемъ «романтизмѣ» и преклоненіи передъ «внутренней жизнью»—«этимъ исчадіемъ нѣмецкаго эгоизма и филистерства» (письмо къ А. Бакуниной, 8 марта 1843 г.). Въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій съ присущей ему силой вскрываетъ подоплеку идеализированной и опозтизированной «внутренней жизни»—и подоплека эта оказывается самымъ обычнымъ и пошлымъ мѣщанскимъ эгоизмомъ...

Отъ эстетическаго индивидуализма къ этическому индивидуализму, а отъ него черезъ этической ультра-индивидуализмъ къ мѣщанству—вотъ трагическій путь, пройденный людьми тридцатыхъ годовъ, а Бѣлинскимъ въ особенности. Въ концѣ концовъ путь этотъ привелъ къ тупику нравственнаго самовершенствованія, какъ цѣли, и сами идеалисты тридцатыхъ годовъ сознали, наконецъ, всю опасность своего положенія: они могли завязнуть въ этомъ мѣщанскомъ болотѣ, могли сдѣлаться вѣрными сынами своей эпохи, и эпоха официальнаго мѣщанства сдѣлалась бы одновременно и эпохой мѣщанства общественнаго (какъ это и случилось позже, въ восьмидесятыхъ годахъ). Но къ счастью для русской интеллигенціи этого не случилось, да и не могло случиться; неистовый Виссаріонъ и его друзья могли мимоходомъ запачкаться объ этическое мѣщанство, но не погрязнуть въ немъ—для этого они были слишкомъ сильные люди.

Спасеніе свое они нашли въ философіи Гегеля. Обыкновенно принято считать этотъ періодъ гегельянства русской интеллигенціи темной страницей изъ ея исторіи: достаточно вспомнить, что въ этомъ періодѣ Бѣлинскимъ написаны такія вещи, какъ «Очерки Бородинскаго сраженія», «Менцель, критикъ Гете» и «Горе отъ ума»—

которыхъ онъ въ послѣдствіи такъ стыдился. Но о Бѣлинскомъ особая рѣчь: онъ стоитъ совершенно особнякомъ отъ своихъ друзей въ этомъ періодѣ гегельянства, и мы еще познакомимся съ причинами, толкнувшими его на путь «Очерковъ» и «Менцеля»; что же касается вообще интеллигенціи тридцатыхъ годовъ, то для нея переходъ къ гегельянству былъ несомнѣннымъ избавленіемъ отъ того мѣщанства, къ которому она пришла, якобы слѣдуя за Фихте.

Гегельянство, какъ мы это знаемъ изъ предыдущей главы, укрѣпилось среди русской интеллигенціи къ концу 1837 года, а въ 1838—1839 г. кружокъ друзей Станкевича издавалъ уже «Московский Наблюдатель»—журналъ яркой гегельянской окраски. Въ первой же статьѣ этого журнала мы находимъ рѣзкій разрывъ съ фихтианствомъ (статья принадлежитъ перу М. Бакунина, философскаго застрѣльщика кружка). Корень зла авторъ статьи видитъ въ индивидуализмъ реформаціи, которая потрясла авторитетъ папизма, послѣ чего «пробужденный умъ, освободившись отъ пеленокъ авторитета; отдѣлившись отъ дѣйствительнаго міра и погрузившись въ самого себя, захотѣлъ вывести все изъ самого себя»... Особенно пышный плодъ этотъ рационализмъ далъ въ XVIII-мъ вѣкѣ,—вѣкѣ «второго паденія человѣка», по выраженію Бакунина. Вѣрнымъ сыномъ рационализма авторъ статьи считаетъ и Фихте, ибо «результатомъ философіи разсудка было (въ Германіи, у Фихте) разрушеніе всякой объективности, всякой дѣйствительности и погруженіе отвлеченнаго пустого Я въ самолюбивое, эгоистическое самосозерцаніе, разрушеніе всякой любви, а слѣдовательно и всякой жизни»... Въ этихъ словахъ—какъ ни несправедливы они по отношенію къ Фихте—мы видимъ рѣзкое осужденіе пресловутой «внутренней жизни», этого исчадія нѣмецкаго филистерства и главной причины мимолетнаго мѣщанства идеалистовъ тридцатыхъ годовъ. Надъ мѣщанствомъ русскаго фихтианства былъ поставленъ крестъ. Но въ то же самое время русскіе гегельянцы, по закону реакціи, впали въ противоположную крайность: *преодолевъ мѣщанство этической ультра-индивидуализма, они схватились за этическій и болѣе всею соціологическій анти-индивидуализмъ.* Въ выставленіи фихтианствомъ на первый планъ индивидуальности они видѣли весь корень зла, всю причину своей бѣды; поэтому теперь они прониклись враждой къ этой индивидуальности, къ свободной дѣятельности духа. Теперь они съ презрѣніемъ говорятъ о томъ фихтианцѣ, который полагаетъ, что «въ осуществленіи конечныхъ положеній его конечнаго разсудка и конечныхъ цѣлей его конечнаго произвола заключается все благо человѣчества», который «не

знаеть, бѣдный, что дѣйствительный міръ выше его жалкой и без-
сильной индивидуальности» («Московскій Наблюдатель» 1838 г., XVI).

Такимъ путемъ русское гегельянство пришло къ анти-индивидуализму. Какъ видимъ, оно выставило впередъ примать «дѣйствительности» надъ «жалкой и бессильной индивидуальностью»; дѣйствительность же попрежнему понималась кружкомъ Станкевича въ крайне отвлеченномъ, идеалистическомъ смыслѣ (за исключеніемъ одного Бѣлинскаго, путь котораго съ этого времени все болѣе и болѣе расходится съ философскимъ путемъ его друзей). «Конкретная дѣйствительность» гегельянства—сфера проявленія Абсолютнаго Духа, мірового Разума; все, что разумно, то (и только то) дѣйствительно, и наоборотъ: дѣйствительно только то, что разумно. Это положеніе было принято идеалистами тридцатыхъ годовъ за основу философіи Гегеля. «Система Гегеля—писаль Бакунинъ на первыхъ страницахъ «Московского Наблюдателя»—вѣнчала долгое стремленіе ума къ дѣйствительности:

что дѣйствительно, то разумно; и
что разумно, то дѣйствительно.

Вотъ основа философіи Гегеля». Конечно, это совершенно невѣрно; конечно, центръ философіи Гегеля лежитъ совершенно не тамъ, гдѣ его ищетъ Бакунинъ,—но не въ этомъ теперь дѣло: важно отмѣтить то, что реальная дѣйствительность попрежнему осталась для русскаго гегельянства по самому своему существу призрачной, ибо не разумной. То презрѣніе, которое Бакунинъ, а за нимъ и его друзья чувствовали къ мѣщанству «внѣшней жизни» въ періодѣ своего фиктианства, замѣнилось теперь такимъ же презрѣніемъ къ не-разумной дѣйствительности окружающаго насъ реального міра; попрежнему этотъ реальный міръ для идеалистовъ тридцатыхъ годовъ—миражъ, призракъ, и только одинъ Бѣлинскій отказался стоять на такой точкѣ зрѣнія, какъ мы это увидимъ ниже. Разница съ періодомъ фиктианства была въ этомъ случаѣ та, что вмѣсто преклоненія передъ «благодатью», самосовершенствованіемъ и «внутренней жизнью», мы имѣемъ въ русскомъ гегельянствѣ преклоненіе передъ міровой, идеальной дѣйствительностью, передъ Общимъ, нивелирующимъ всѣ жалкія и бессильныя индивидуальности. Отъ безсознательнаго мѣщанства русская интеллигенція тридцатыхъ годовъ перешла къ сознательному анти-индивидуализму.

И на этомъ кончается исторія русской интеллигенціи въ тридцатыхъ годахъ, здѣсь конецъ философскому романтизму: гегельянство было его лебединой пѣснью, а вмѣстѣ со смертью «Московского

Наблюдателя» распался и кружокъ Станкевича. Почти одновременно произошли такія событія, какъ смерть Станкевича, переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ въ «Отечественныя Записки», отъѣздъ Бакунина за границу (1839—1840 г.). Люди тридцатыхъ годовъ сдѣлали свое дѣло и теперь стали во главѣ новаго, ими же воспитаннаго поколѣнія—людей сороковыхъ годовъ: теперь уже не въ замкнутомъ кружкѣ, а среди широкихъ круговъ общества будетъ происходить борьба идей; славянофилы столкнутся съ западниками; Бѣлинскій будетъ признаннымъ вождемъ молодого поколѣнія.

Начало сороковыхъ годовъ характеризуется, такимъ образомъ, теоріей этико-соціологическаго анти-индивидуализма и разрывомъ съ философскимъ псевдо-романтизмомъ; обѣ эти стороны ярче всего и главнымъ образомъ сказались въ Бѣлинскомъ. Что касается разрыва съ философскимъ романтизмомъ, то онъ былъ подготовленъ уже давно глубоко-реалистической натурой Бѣлинскаго, насильственно втянутой на высоты романтизма чистой мысли; Бѣлинскій постоянно тяготѣлъ къ землѣ, онъ былъ «весь земной» и въ то же время былъ принуждаемъ къ романтизму общимъ духомъ кружка. Отвлеченность отъ эмпирической дѣйствительности всегда дорого доставалась Бѣлинскому,—впослѣдствіи онъ искренно сознавался, что голова его трещитъ не только отъ Канта и феноменологіи Гегеля, но и отъ популярныхъ философскихъ статей Герцена; вотъ почему съ такой жадностью схватился Бѣлинскій въ концѣ 1837-го года за пересказанную ему Бакунинымъ теорію «разумной дѣйствительности» Гегеля. Для Бѣлинскаго гегельянство было «спасеніемъ», «откровеніемъ», ибо *гегельянство было понято Бѣлинскимъ въ смыслъ философскаго реализма* (въ цитированной выше статьѣ Милюкова ясно вскрыты внутреннія, психологическія причины такого перелома въ Бѣлинскомъ). «Разумную дѣйствительность» Бѣлинскій отождествилъ съ реальной дѣйствительностью; въ этомъ была причина всѣхъ его дальнѣйшихъ ошибокъ и крайностей, но въ то же время это отождествленіе показываетъ всю силу тяготѣнія Бѣлинскаго къ реализму. Русское фихтианство считало реальную дѣйствительность «пошлой»; гегельянство, въ пониманіи Бѣлинскаго, считало реальную дѣйствительность «разумной»: эта разница вполнѣ объясняетъ ту радость, съ которой схватился за гегельянство тяготѣвшій къ землѣ, глубокой реалистъ Бѣлинскій. «Ты первый—пишетъ онъ Бакунину—уничтожилъ въ моемъ понятіи цѣну опыта и дѣйствительности, втащивъ меня въ фихтианскую отвлеченность, и ты же первый былъ для меня благовѣстникомъ этихъ двухъ великихъ словъ» (т.-е. словъ «разумная дѣйствитель-

ность»). Теперь «слово *дѣйствительность* сдѣлалось для меня равнозначительно слову Богъ», пишетъ Бѣлинскій около того же времени Станкевичу (сент.-окт. 1839 г.). Такъ вступаетъ Бѣлинскій въ періодъ реализма, такъ совершается окончательный разрывъ съ философскимъ романтизмомъ.

Разъ вступивъ на какой-нибудь путь, неистовый Виссаріонъ не могъ остановиться на половинѣ дороги; по собственному его сознанію, онъ всегда находился въ какой-нибудь крайности: середина была несвойственна его натурѣ; онъ всегда былъ, по выраженію Герцена, человѣкомъ экстремы. Понявъ разумную дѣйствительность, какъ дѣйствительность эмпирическую, реальную, Бѣлинскій неизбѣжно долженъ былъ признать разумность всего существующаго. «Все, что есть, то необходимо, разумно и дѣйствительно»,—заявляетъ Бѣлинскій въ статьѣ о Менцелѣ; придя къ тому положенію, Бѣлинскій уже не останавливался на полъ-пути передъ неизбѣжными дальнѣйшими логическими выводами. Если разумно и дѣйствительно «все, что есть» то не оправдывается ли этимъ разъ навсегда всякое зло, безправіе, насиліе, имквизиція, деспотизмъ? Конечно да,—и Бѣлинскій твердо и прямо принялъ этотъ неизбѣжный выводъ изъ своей теоріи разумной дѣйствительности. «Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе—разсказываетъ Герценъ—и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ нравственнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, чего такъ страшатся люди слабые и несамобытные»... Крайніе логическіе выводы не пугали Бѣлинскаго — онъ смѣло шелъ имъ навстрѣчу; но вѣдь это какъ-разъ было вѣрнѣйшимъ путемъ для того, чтобы перешагнуть черезъ нихъ и увидѣть свою ошибку: сидя на половинѣ пути и боязливо отмахиваясь отъ крайнихъ выводовъ, можно было только засохнуть въ умѣренномъ и аккуратномъ мѣщанствѣ. На это не былъ способенъ неистовый Виссаріонъ. Результатъ извѣстенъ: появились «Очерки Бородинскаго сраженія», статьи про Менцеля и про «Горе отъ Ума» (1839—1840 г.), считающіяся темнымъ пятномъ въ дѣятельности Бѣлинскаго. Но въ этомъ темномъ пятнѣ мы видѣли и свѣтлую сторону: разрывъ Бѣлинскаго съ несвойственнымъ ему философскимъ романтизмомъ и переходъ къ реалистическому міровоззрѣнію. Бѣлинскій не отказался отъ мысли, не отрекся отъ нея,—въ чемъ упрекалъ его Бакунинъ,—а только захотѣлъ свести ее изъ-за «предѣловъ предѣльнаго» на землю: «уважаю мысль и цѣню ее, но только мысль конкретную, а не отвлеченную»... Такъ начался медовый мѣсяцъ реализма Бѣлинскаго, когда онъ съ утра до вечера упивался открывшейся предъ нимъ реальной дѣйстви-

209
тельностью, затемненной прежде теоріями несвойственнаго ему философскаго романтизма.

Такимъ образомъ періодъ гегельянства Бѣлинскаго, обычно принимаемый за апогей отвлеченности идеализма тридцатыхъ годовъ, былъ какъ-разъ наоборотъ (какъ это уже отмѣтилъ въ указанной статьѣ Милюковъ) періодомъ рѣзкаго разрыва съ отвлеченной мыслью и поворотомъ къ реалистическому міровоззрѣнію. Но разрывъ этотъ не обошелся Бѣлинскому даромъ. Признавъ реальную разумную дѣйствительность, не признававшуюся имъ въ періодѣ фиктианства, Бѣлинскій этимъ самымъ неизбѣжно былъ приведенъ къ закланію человѣческой личности, столь дорогой ему въ томъ же періодѣ этического индивидуализма, на алтарѣ этой дѣйствительности. Отождествивъ «разумную дѣйствительность» съ исторической необходимостью (опять-таки вполне ошибочно и вопреки категорическому утвержденію самого Гегеля), Бѣлинскій принужденъ былъ признать «разумность» и необходимость приниженія и подавленія личности для пользы Общаго. Это признаніе шло противъ завѣтнѣйшихъ симпатій Бѣлинскаго, но онъ заставилъ себя подчиниться «разумной дѣйствительности», исторической необходимости, лишь бы остаться въ томъ реализмѣ, теоретическое оправданіе котораго онъ увидѣлъ въ гегельянствѣ. *Бѣлинскій пожертвовалъ реальной личностью, чтобы избавиться отъ отвлеченности философскаго романтизма и укрѣпиться въ реалистическомъ міровоззрѣніи.* Этимъ объясняется то странное обстоятельство, что переходъ къ реализму сопровождался въ то же время рѣзкимъ поворотомъ отъ реальной личности къ абстрактному человѣку. Мы видѣли, что отъ Карамзина черезъ Жуковскаго къ Пушкину и Лермонтову и далѣе, къ философскимъ романтикамъ, русскимъ шеллингианцамъ и особенно фиктианцамъ, русская художественная и философская мысль все болѣе и болѣе занималась реальной личностью, человѣческой индивидуальностью. Теперь, въ русскомъ гегельянствѣ вообще, а въ гегельянствѣ Бѣлинскаго въ частности, мы имѣемъ рѣзкую реакцію этому почти полувѣковому направленію мысли русской интеллигенціи. Въ отвлеченномъ гегельянствѣ Бакунина такой *приматъ абстрактнаго человѣка* былъ вполне умѣстенъ, но въ реалистическомъ гегельянствѣ Бѣлинскаго онъ могъ быть только недоразумѣніемъ, находившимъ свое объясненіе въ невольной искупительной жертвѣ Бѣлинскаго отвлеченности: реальную личность онъ приноситъ въ жертву Молоху Общаго и ищетъ въ последнемъ опоры своему реалистическому міровоззрѣнію. Такимъ образомъ гегельянство Бѣлинскаго, подобно вообще русскому гегель-

янству, оказывается убѣжденно анти-индивидуалистическимъ, главнымъ образомъ соціологически. *Этимъ соціологическимъ—анти-индивидуализмомъ характеризуется переходный періодъ между тридцатыми и сороковыми годами въ исторіи русской интеллигенціи.*

«Очерки Бородинскаго сраженія»—вотъ характернѣйшая статья Бѣлинскаго этого періода («Отеч. Зап.», декабрь 1839 г.). Не надо впрочемъ думать, что мы встрѣтимся въ этой статьѣ съ рѣзкимъ анти-индивидуализмомъ, съ безусловнымъ порабощеніемъ личности обществу и народу: напротивъ того, мы найдемъ въ ней какъ будто робкую попытку синтеза этического индивидуализма и соціологическаго анти-индивидуализма. Въ концѣ концовъ Бѣлинскій приходитъ къ неизбежности подавленія личности, но все-таки мы не найдемъ у него рѣзкаго анти-индивидуалистическаго мотива: онъ приносилъ въ жертву личность и въ то же время щадилъ ее. Характерный примѣръ такой двойственности, переходящей въ самопротиворѣчіе, можно указать въ рецензіи Бѣлинскаго на X т. «Современника» (1838 г.); тамъ, говоря между прочимъ о «юной Германіи» (о Берне и др.), Бѣлинскій замѣчаетъ: «она лучше всего показываетъ, какъ бесплодны и ничтожны покушенія индивидуальностей на участіе въ ходѣ міро-державныхъ судебъ»... Но сейчасъ же дальше: «конечно, общество живетъ, развивается, слѣдовательно, измѣняется, но черезъ кого?—черезъ геніевъ, избранниковъ судьбы»... Точно геній не есть индивидуальность!...—Однако это только между прочимъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь Бѣлинскій затрагиваетъ не имѣющій никакого отношенія къ этическому индивидуализму вопросъ о роли личности въ исторіи и тѣмъ болѣе, что въ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» онъ стоитъ на неизмѣримо болѣе выдержанной точкѣ зрѣнія.

Въ этой своей статьѣ Бѣлинскій разсматриваетъ общество, во-первыхъ, какъ «нѣчто единое и цѣлое» и, во-вторыхъ, какъ «единство противоположностей». Въ первой части онъ разрабатываетъ своего рода «органическую теорію общества», затронутую имъ еще подъ вліяніемъ шеллингянства въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Индивидуалистическую соціальную теорію «Общественнаго Договора» Бѣлинскій считалъ въ корнѣ невѣрной съ начала и до конца своей литературной дѣятельности; въ «Очеркахъ» ему хотѣлось «наметнуть пояснѣ на субстанціальное значеніе идеи общества» (письмо къ Боткину, 18 февраля 1840 г.). Собственно говоря, это очень существенный пунктъ въ развитіи міровоззрѣнія русской интеллигенціи, которая въ общемъ никогда не благоволила къ соціологическому номинализму; и въ этомъ пунктѣ Бѣлинскій тѣсно связанъ со сла-

вянофильствомъ, какъ это мы увидимъ ниже. Еще въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» онъ заявлялъ, что каждый народъ выражаетъ свою жизнь только одну изъ сторонъ жизни человѣчества и что «только живя самобытной жизнью, можетъ каждый народъ принести свою долю въ общую сокровищницу», и теперь онъ также утверждаетъ, что народъ есть своеобразная индивидуальность, «народъ есть личность, какъ отдѣльный человѣкъ». Въ разработкѣ этого основного положенія нарождающагося славянофильства, — положенія, усвоеннаго Бѣлинскимъ еще въ періодъ шеллингианства, и заключается первая часть разбираемой статьи.

Для насъ большой интересъ представляетъ вторая ея часть, въ которой Бѣлинскій, худо ли, хорошо ли слѣдуя за Гегелемъ, стремится разрѣшить проблему индивидуализма, найти «единство противоположностей» въ обществѣ и личности. Какова бы ни была эта попытка, но значеніе ея поистинѣ громадно, ибо *здесь впервые въ русской литературѣ ясно выражена та идея, что общество является прежде всего не ограниченіемъ, а расширеніемъ человеческой личности.* Субстанціальное пониманіе идеи общества неизбѣжно приводило къ такому разрыву съ соціологическимъ номинализмомъ; ограниченіе личности обществомъ есть уже явленіе вторичное, вообще же говоря, только на почвѣ общества личность можетъ достигнуть полного расцвѣта всѣхъ своихъ способностей и силъ. И эта точка зрѣнія навсегда осталась твердымъ приобрѣтеніемъ русской интеллигенціи; впоследствии на ней стоялъ даже авторъ «Борьбы за индивидуальность», признавшій интересы общества и личности діаметрально-противоположными, т.-е. обратившій главное вниманіе на вторичное соціологическое явленіе, составляющее однако всю суть проблемы соціологическаго индивидуализма.

Бѣлинскій начинаетъ съ того, что признаетъ законность этического индивидуализма. «Прежде всего, всякій человѣкъ есть особность, есть личность, индивидуальность, которая есть исходный пунктъ всѣхъ его дѣйствій и необходимое условіе его дѣйствительности, — заявляетъ Бѣлинскій. — ...Всякій человѣкъ есть самъ себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастье, какъ блаженство, къ которымъ, слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право стремиться»... Но эта варіація на тему кантовскаго категорическаго императива, это признаніе автономіи личности есть только тезисъ въ разсужденіи Бѣлинскаго, подлежащій еще процессу самоотрицанія. «Общество состоитъ изъ людей, изъ которыхъ каждый человѣкъ принадлежитъ и себѣ и обществу, есть индивидуальная и самоцѣль-

ная особность и членъ общества, часть цѣлаго, принадлежащая не себѣ, а обществу». Тутъ сталкивается міръ субъективный съ міромъ объективнымъ, и въ этомъ столкновеніи лежитъ примиреніе противорѣчія ограниченности субъективной личности человѣка съ безграничностью этой же личности, какъ проявленія безконечнаго духа; иначе говоря, столкновеніе личности съ обществомъ прежде всего является средствомъ не ограниченія, а расширенія этой личности человѣка. «Въ отношеніи къ его индивидуальной собственности міръ не-я, міръ объективный, есть враждебный ему міръ; но въ отношеніи къ его духу, какъ къ проблеску безконечнаго и общаго, міръ его не-я, міръ объективный, есть родной ему міръ»; иначе говоря и переводя эту же мысль съ языка философіи на языкъ соціологіи: «каждый раздѣленъ между собою и обществомъ и каждый соединенъ съ обществомъ, т.-е. находитъ себя въ обществѣ». (Во второй половинѣ этой фразы снова высказанъ принципъ расширенія личности на соціологической почвѣ, въ первой половинѣ снова выражена проблема индивидуализма). Столкновеніе личности съ обществомъ есть во всякомъ случаѣ не только средство расширенія первой; общество съ своей стороны стремится не только ограничить, но и поглотить личность. И личность неизбѣжно должна покориться этому: чтобы быть реальностью, человѣкъ долженъ быть частнымъ выраженіемъ общаго, конечнымъ проявленіемъ безконечнаго. «Вслѣдствіе этого онъ долженъ отрѣшиться отъ своей субъективной личности, признавъ ее ложью и призракомъ, долженъ смириться передъ мировымъ, общимъ, признавъ только его истиной и дѣйствительностью». Такимъ образомъ самоотрицаніе принципа этического индивидуализма, принципа автономіи личности приводитъ къ крайнему и рѣзкому соціологическому анти-индивидуализму; но у Бѣлинскаго это только анти-тезисъ развитія мысли, заключенной въ проблемѣ индивидуализма. Съ одной стороны этической индивидуализмъ, съ другой—соціологической анти-индивидуализмъ. Человѣкъ «говоритъ себѣ: „я самъ себѣ цѣль и хочу жить для жизни, жить для себя“; но внѣшній міръ говоритъ ему: „ты не для себя созданъ, ты мнѣ принадлежишь, каждую твою радость, каждое твое наслажденіе ты можешь получить только съ моего позволенія“». Въ конечномъ счетѣ Бѣлинскій хочетъ синтезировать этической индивидуализмъ съ соціологическимъ анти-индивидуализмомъ, примирить міръ субъективный съ объективнымъ: человѣкъ «долженъ сродниться, слиться съ нимъ (съ объективнымъ міромъ), чтобы послѣ, усвоивъ объективный міръ въ свою субъективную собственность, стать снова субъективной личностью, но уже

дѣйствительной, уже выражающей собой не случайную частность, а общее міровое»... Это тѣмъ легче, что объективный міръ есть для человѣка не что иное, какъ «законы его собственнаго разума, его же субъективнаго духа, но только осуществившіеся во внѣ его, какъ явленія въ самомъ дѣлѣ». Въ чемъ же тутъ, однако, примиреніе? гдѣ рѣшеніе проблемы индивидуализма? Ихъ нѣтъ, ибо жизнь есть борьба, и «субъективный человѣкъ въ вѣчной борьбѣ съ объективнымъ міромъ и, слѣдовательно, съ обществомъ, — но въ борьбѣ не въ смыслѣ возстанія, а въ смыслѣ своего безпрестаннаго стремленія то въ ту, то въ другую сторону». Здѣсь Бѣлинскій предвосхищаетъ основу теоріи автора «Борьбы за индивидуальность» о постоянной борьбѣ высшей и низшей индивидуальности; но въ данномъ случаѣ намъ интересно не это, а тотъ фактъ, что въ своемъ синтезѣ Бѣлинскій несомнѣнно перетягиваетъ вѣсы на сторону соціологическаго анти-индивидуализма. Онъ выставляетъ Пушкинскаго Алеко какъ назидательный примѣръ для тѣхъ, «которые ссорятся съ обществомъ, чтобы никогда не примириться съ нимъ» — и поэтому гибнуть; примѣръ не изъ удачныхъ, такъ какъ гибель Алеко, какъ мы это видѣли, заключена въ протівоестественномъ смѣшеніи соціологическаго индивидуализма съ этическимъ анти-индивидуализмомъ; и всего пикантнѣе здѣсь то, что именно Бѣлинскій вполнѣ въ свою очередь будетъ грѣшенъ въ подобномъ смѣшеніи. Во всякомъ случаѣ, осуждая Алеко за его разрывъ съ обществомъ, Бѣлинскій ясно высказываетъ, чему, по его взгляду, принадлежитъ первенство — принципу автономіи личности или принципу гармоніи цѣлаго; въ этомъ и проявляется окончательно его соціологическій анти-индивидуализмъ. «Общество есть высшая дѣйствительность, — рѣшительно заключаетъ Бѣлинскій, — а дѣйствительность или требуетъ полнаго мира съ собой, полнаго признанія себя со стороны человѣка, или сокрушаетъ его подъ свинцовой тяжестью своей исполинской длани»...

Надо замѣтить, что, отодвигая такимъ образомъ принципъ автономіи личности на второй планъ и выдвигая впередъ примать общества, какъ высшей дѣйствительности, Бѣлинскій на этотъ разъ дѣйствительно строго слѣдовалъ по стопамъ Гегеля. Конечно, глубоко невѣрно бывшее у насъ когда-то весьма распространеннымъ мнѣніе о философіи Гегеля, что характернымъ признакомъ этой философской системы является рѣзкій и крайній ея анти-индивидуализмъ, что будто бы «по Гегелю» „дѣйствительность“ отъ вѣка движется неустанной тройственной волной положенія, отрицанія и примиренія, и

„личность“ влечется этой волной, какъ безсильная щепка, дважды презрѣнная... (Михайловскій). Конечно, все это совершенно невѣрно: болѣе близкое знакомство съ Гегелемъ не замедлило доказать русской интеллигенціи, что въ такомъ рѣзкомъ и безусловномъ анти-индивидуализмѣ Гегель нисколько не повиненъ ¹⁾. Но въ то же самое время нельзя отрицать того, что у Гегеля принципъ автономіи личности отходить дѣйствительно на второй планъ передъ интересами Общаго. *Соціологически* личность несомнѣнно, по Гегелю, равна нулю: она является только орудіемъ развитія, и субъективная дѣятельность личности ограничивается только выполненіемъ задачи, выработанной и подготовленной помимо воли отдѣльныхъ индивидуальностей (см. напр., «Philosophie des Geistes», § 551). Но въѣдъ это является только выраженіемъ общепризнаннаго теперь принципа, что *личность лежитъ внѣ предѣловъ соціологіи, какъ науки*, и не это можетъ служить указаніемъ крайности гегелевскаго анти-индивидуализма. Этотъ анти-индивидуализмъ проявляется въ гораздо менѣе рѣзкой формѣ въ гегелевскомъ этическомъ монизмѣ, въ признаніи нравственнаго закона воплощеннымъ въ обществѣ, которому должны быть подчинены всѣ этически автономныя (по Канту) индивидуальности. Объективность Гегеля неизбежно приводила его къ анти-индивидуализму не только соціологическому, но и этическому, хотя отнюдь не столь грубому и рѣзкому, какъ это принималось еще недавно русскими индивидуалистами. Бѣлинскій въ своемъ умѣренномъ анти-индивидуализмѣ шелъ такимъ образомъ по стопамъ Гегеля; но уже изъ того, что сказано выше, ясно, насколько тщетна была попытка Бѣлинскаго синтезировать этической индивидуализмъ съ соціологическимъ анти-индивидуализмомъ, якобы опираясь на Гегеля: самъ Гегель былъ въ конечномъ счетѣ анти-индивидуалистомъ и соціологически и этически. Попытка Бѣлинскаго только и могла поэтому кончиться неудачей, и въ періодъ своего гегельянства онъ такъ и остался при соціологическомъ анти-индивидуализмѣ, не примиривъ съ нимъ индивидуализмъ этической.

Но зато Бѣлинскій твердо стоялъ попрежнему за эстетической индивидуализмъ, замѣнивъ только шеллингианскія эстетическія теоріи—гегельянскими, особенно подробно выраженными имъ въ статьяхъ о Менцелѣ и о «Горе отъ ума». И въ этой области Бѣлинскій, вообще говоря, вѣрно истолковывалъ Гегеля, хотя иногда и перефра-

¹⁾ См., напр., интересную книгу г. Новгородцева «Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ», 1901 г.

зироваль его положенія на свой ладъ. Попрежнему онъ настаиваетъ на безсознательности творчества, попрежнему заявляетъ, что «поэзія не имѣетъ цѣли внѣ себя—она сама себѣ цѣль», попрежнему доказываетъ, что искусство независимо отъ соціальныхъ и этическихъ требованій (основная мысль статьи о Менцелѣ); но въ то же время для него теперь искусство не только «выраженіе великой идеи вселенной», какъ онъ говорилъ въ пору своего шеллингянства («Литературныя мечтанія»); теперь для него «предметъ поэзіи есть дѣйствительность или истина въ явленіи». Попрежнему Бѣлинскій отрицаетъ «рефлектированную поэзію», но зато совершенно по новому ненавидитъ Шиллера за «субъективно-нравственную точку зрѣнія», за все то, чѣмъ самъ Бѣлинскій восторгался въ періодъ своего фиктианства (см. письма къ Станкевичу, сент.—окт. 1839 г.); здѣсь онъ даже категорически расходится съ Гегелемъ, заявляя нѣсколько непочтительно: «а что Егоръ Ѳеодорычъ восхищается рефлектированностью поэзіи Шиллера — брешетъ, собачій сынъ»... (письмо къ Боткину, 1 марта 1840 г.). Эстетическій индивидуализмъ Бѣлинскаго съ годами пошелъ не на убыль, а на прибыль, сталъ рѣзче, ярче и нетерпимѣе; въ иныхъ мѣстахъ статьи о Менцелѣ передъ нами вырисовывается даже несомнѣнный *эстетическій ультраиндивидуализмъ*. Такъ Бѣлинскій съ полной симпатіей цитируетъ и подчеркиваетъ знаменитыя пушкинскія слова поэта о томъ, что

Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ —
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Въ поэтѣ онъ не хочетъ видѣть человѣка, который долженъ быть въ самомъ вихрѣ жизни, долженъ не заператься въ одной правдѣ-красотѣ, но обнимать своей душой и правду-истину и правду-справедливость: вѣдь это далеко не то самое, что предъявленіе общественнаго или моральнаго критерія къ самому искусству. Мы уже видѣли глубоко вѣрную, основную мысль Пушкина, этого величайшаго представителя эстетическаго индивидуализма, состоящую въ признаніи независимости искусства и въ то же время въ полномъ сліяніи художника и человѣка; эту мысль проводилъ и Бѣлинскій въ эпоху своего шеллингянства и эстетическаго индивидуализма, какъ мы отмѣтили выше, но теперь онъ подчеркиваетъ только независимость искусства и художника, не упоминая о томъ, что художникъ прежде всего человѣкъ. Болѣе того, онъ рѣзко обрушивается на

Шиллера, якобы за тенденціозность его произведеній, хотя тенденціозность эта заключается только въ томъ, что великій художникъ осмѣливался въ своихъ произведеніяхъ касаться святого святыхъ своихъ правовыхъ и политическихъ убѣжденій.

Въ этомъ эстетическомъ ультра-индивидуализмѣ Бѣлинскаго, въ этой его крайности и односторонности можно видѣть такія же черты мѣщанства, какія мы уже видѣли въ этическомъ ультра-индивидуализмѣ періода фихтианства: тогда Бѣлинскій едва не завязъ въ теоріи самосовершенствованія, какъ цѣли; теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ опасностью погрязнуть въ смакующемъ эстетизмѣ. Къ счастью, этого съ нимъ не случилось, но все-таки и въ этомъ періодѣ гегельянства мѣщанство не миновало неистоваго Виссаріона. Дѣло въ томъ, что, разорвавъ съ философскимъ романтизмомъ, Бѣлинскій вернулся изъ-за «предѣловъ предѣльнаго» на землю и въ то же время вернулся къ той «обыденности», которая была такъ ненавистна романтизму. Теперь романтизмъ сталъ ненавистенъ Бѣлинскому, какъ воплощенное «прекраснодушіе», а потому въ видѣ рѣзкой реакціи противъ него и въ видѣ дальнѣйшаго приближенія къ разумно-реальной дѣйствительности, Бѣлинскій пришелъ къ апологіи той самой обыденности, которую весьма трудно отличить отъ мѣщанства. Правда, впоследствии—и весьма скоро—Бѣлинскій понялъ всю ошибочность отождествленія «дѣйствительности» съ «обыденностью», и, оставаясь при первой, рѣзко разорвалъ со второй; но періодъ гегельянства былъ именно временемъ такого отождествленія: проповѣдая дѣйствительность, Бѣлинскій въ то же время проповѣдуетъ обыденность—и здѣсь настагаетъ его мѣщанство. Чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи его письмо къ Станкевичу (10 сент. 1838 г.): нигдѣ у Бѣлинскаго проповѣдь обыденности не достигаетъ такой ясности и опредѣленности. «Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ,—пишетъ неистовый Виссаріонъ;—кто удивляетъ своею оригинальностью (разумѣется, такую, которая большинству не нравится), тотъ похожъ на человѣка, который пріѣхалъ на балъ въ платьѣ страннаго или стариннаго покроя для показанія своего полного презрѣнія къ условіямъ общества и приличію. Недаромъ общество заклеимило такихъ людей именемъ *опасныхъ и безпокойныхъ*; впрочемъ, если бы оно назвало ихъ *пустыми*, то было бы правѣе»... Такъ неистовый Виссаріонъ силится надѣть на себя костюмъ умѣреннаго и аккуратнаго мѣщанства, съ его идеаломъ «быть, какъ всѣ»; немудрено, что костюмъ этотъ скоро треснулъ по всѣмъ швамъ. Гораздо удивительнѣе то, что въ это же самое время, въ разгаръ апологіи обы-

денности, Бѣлинскій продолжалъ оставаться непримиримымъ врагомъ этического мѣщанства: достаточно вспомнить, что говоритъ Бѣлинскій о мѣщанствѣ по поводу произведеній Гоголя въ статьѣ о «Горе отъ Ума». Какъ и раньше, мѣщанство величайшаго изъ представителей русской интеллигенціи было безсознательнымъ; анти-мѣщанство же его было отчетливо сознаннымъ.

Вотъ въ самыхъ общихъ, но существеннѣйшихъ чертахъ характеристика переходнаго періода между тридцатыми и сороковыми годами, переходнаго не только для Бѣлинскаго, но и для всей русской интеллигенціи. Мы видѣли, что у Бѣлинскаго *періодъ этотъ выразился соціологическимъ анти-индивидуализмомъ и эстетическимъ ультра-индивидуализмомъ, приматомъ абстрактнаго челоуѣка надъ реальною личностью и переходомъ отъ романтизма къ реализму*. Надо однако подчеркнуть, что этотъ переходъ къ реализму совершился не вдругъ, а постепенно, въ теченіе всего періода гегельянства: только разорвавъ съ гегельянствомъ, Бѣлинскій пришелъ къ реализму окончательно. Правда, само гегельянство Бѣлинскій понималъ, какъ философскій реализмъ, но только въ томъ смыслѣ, что оно открыло передъ нимъ «дѣйствительность» окружающей и, конечно, не мѣщанской жизни (мѣщанское житіе для него и теперь «призрачно»; см. статью о «Горе отъ Ума»); но въ этомъ переходѣ еще не было окончательнаго разрыва съ романтизмомъ вообще: въ эту эпоху Бѣлинскій продолжалъ еще оставаться несомнѣннымъ ирраціоналистомъ. Гофманъ его любимый писатель и теперь; Бѣлинскій съ симпатіей отмѣчаетъ въ этомъ величайшемъ логическомъ романтикѣ (по нашей терминологіи)—«аптеозъ фантастическаго, какъ необходимаго элемента въ духѣ челоуѣка», ибо «фантастическое есть предчувствіе таинства жизни» («Двѣ дѣтскія книжки»; «Отеч. Зап.», 1840 г., № 3). Правда, тутъ же Бѣлинскій предостерегаетъ отъ односторонняго увлеченія «въ сферу призраковъ и мечтаній» и отъ необдуманнаго пренебреженія къ «живой и полной дѣйствительности»; но во всякомъ случаѣ ясно, что, положивъ начало разрыву съ философскимъ романтизмомъ, Бѣлинскій вовсе не отказался еще въ этомъ періодѣ гегельянства отъ всего ирраціональнаго. Наоборотъ, по только-что указанной статьѣ можно судить о всей силѣ страстнаго пантеизма неистоваго Виссаріона; въ немъ продолжалъ сказываться вѣрный ученикъ Шеллинга и гегельянецъ.

Но вотъ наступаетъ 1840-й годъ, годъ рѣшительнаго разрыва Бѣлинскаго со всѣмъ наслѣдствомъ тридцатыхъ годовъ. Намъ мало касаются событія личной жизни Бѣлинскаго, обусловившія этотъ раз-

рывъ—его переѣздъ въ Петербургъ и болѣе близкое соприкосновеніе съ реальной дѣйствительностью; по тѣмъ или по инымъ причинамъ Бѣлинскій сначала робко и нерѣшительно, а потомъ съ революціонной рѣзкостью поднимаетъ знамя возстанія противъ Гегеля, противъ «разумной дѣйствительности», противъ примата абстракціи надъ реальностью, Общаго надъ индивидуальнымъ. Начало перелома можно замѣтить въ статьяхъ о Лермонтовѣ («Отеч. Зап.», 1840 г. №№ 6 и 7), но еще гораздо раньше переломъ этотъ сказался въ перепискѣ Бѣлинскаго съ друзьями; характеренъ тотъ фактъ, что, печатая свои «Очерки» и статьи про Менцеля и про комедію Грибоѣдова, Бѣлинскій въ то же самое время въ своихъ письмахъ уже прорывался негодованіемъ противъ гнущей его философіи Гегеля, какъ ее понималъ Бѣлинскій. «Общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка,—пишетъ Бѣлинскій въ послѣдней изъ этихъ статей, въ январскомъ номерѣ «Отеч. Зап.» за 1840 г.,—и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собой общество». И въ то же время тотъ же самый Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину (декабрь—февраль 1839—1840 г.) смѣло и убѣжденно проповѣдуетъ нѣчто вполне еретическое для русскаго гегельянца: «права личнаго человѣка—говоритъ онъ—такъ же священны, какъ и міроваго гражданина...; кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,—а мнѣ тотъ, и другой, и третій равно несносны». Впослѣдствіи, въ статьяхъ о Лермонтовѣ, эта мысль нашла себѣ болѣе полное выраженіе; видно во всякомъ случаѣ, что первые мѣсяцы 1840-го года были эпохой интенсивной борьбы взаимнопротиворѣчивыхъ внутреннихъ убѣжденій Бѣлинскаго.

Еще гораздо ранѣе, на рубежѣ между фихтианскимъ и гегельянскимъ міровоззрѣніемъ, Бѣлинскій, вполне непослѣдовательно, возмущался тѣмъ, что для Бакунина «идея... дороже человѣка», и выставялъ съ своей стороны обратное положеніе: «человѣкъ дороже идеи» (письмо къ Бакунину, 16 авг. 1837 г.). Конечно, въ періодѣ гегельянства Бѣлинскому пришлось взять свои слова обратно; вскорѣ онъ былъ принужденъ признать, что идея «истина выше человѣка, какъ личности» (см. «Двѣ дѣтскія книжки»,—статью, написанную въ февралѣ 1840 г.). Ясно, однако, что такое признаніе было насильственной данью философской системѣ, и теперь, поднимая знамя борьбы противъ гегельянства и окончательно примыкая къ реализму, Бѣлинскій прежде всего повелъ борьбу за реальную личность человѣка, которую онъ ранѣе самъ принесъ въ жертву теоріи. «Ты пишешь, что

М. (Бакунинъ) любитъ одно Общее. О, пропадай это ненавистное общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизнь, эта гремушка эгоизма!.. Лучше самая пошлая жизнь, чѣмъ *такое* общее, чтобъ чортъ его побралъ!..» (письмо къ Боткину, 24-го февр. 1840 г.). Тѣмъ же перомъ и тѣми же чернилами, которыми въ только-что указанной статьѣ была написана фраза о приматѣ общей идеи надъ личностью, Бѣлинскій выражаетъ въ этомъ письмѣ нѣчто вполне противоположное (какъ видно изъ содержанія письма, оно написано одновременно съ этой статьёй). Во всякомъ случаѣ въ глубинѣ сознанія Бѣлинскаго борьба уже началась, и чѣмъ дальше, тѣмъ для него яснѣе, что приматъ общаго надъ индивидуальнымъ и абстрактнаго надъ реальнымъ былъ случайнымъ заблужденіемъ, коренящимся еще въ теоріяхъ философскаго романтизма—заблужденіемъ, по крайней мѣрѣ, для глубоко индивидуалистической натуры Бѣлинскаго. Сперва, возставая противъ Общаго, онъ чувствуетъ себя его рабомъ и съ ненавистью покоряется ему: «Общее—это палачъ человѣческой индивидуальности. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно» (письмо къ Боткину, августъ 1840 г.). Но не проходитъ и мѣсяца, какъ Бѣлинскій уже далекъ отъ пассивнаго подчиненія Общему: теперь онъ уже вызываетъ его на борьбу; быть можетъ, извѣстіе о смерти Станкевича было причиной такого особенно рѣзкаго перелома въ Бѣлинскомъ. Для него теперь вопросъ о безсмертіи индивидуальнаго духа—основа всякой философіи, «альфа и омега истины»; «я плюю на философію, которая—продолжаетъ Бѣлинскій—потому только съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была разрѣшить его. Гегель не благоволилъ ко всему фантастическому, какъ прямо противоположному опредѣленно-дѣйствительному. Катковъ говоритъ, что это—ограниченность. Я съ нимъ согласенъ»... И сейчасъ же далѣе Бѣлинскій объявляетъ Общему войну во имя правъ и цѣльности отдѣльной человѣческой индивидуальности: «нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала *Общимъ*, я буду спрашивать у него: куда ты дѣлъ его (рѣчь идетъ о смерти Станкевича) и что съ нимъ стало?» (письмо къ Боткину, 5 сентября 1840 г.).

Этимъ знаменуется обратный и окончательный переходъ отъ абстрактнаго человѣка къ реальной личности; вопросъ о личномъ безсмертіи вскорѣ отошелъ для Бѣлинскаго на второй планъ, а затѣмъ и совершенно ступсвался въ развитіи міровоззрѣнія увлекающагося неофита реализма, но *приматъ реальной личности съ этихъ поръ* остался твердымъ пріобрѣтеніемъ Бѣлинскаго. И подобно тому

какъ раньше подчиненіе реальной личности абстрактному человѣку сопровождалось у Бѣлинскаго апологіей всякой дѣйствительности, такъ и теперь примать реальной личности соединенъ у него съ рѣзкимъ разрывомъ съ реальной дѣйствительностью. Бѣлинскій увидѣлъ всю бездну, передъ которой онъ поставилъ себя своимъ отождествленіемъ гегелевской «разумной дѣйствительности» съ дѣйствительностью эмпирическаго міра и съ отвращеніемъ отвернулся отъ послѣдней. Причины своей ошибки онъ не созналъ. Онъ не видѣлъ, что вся его бѣда заключалась въ невѣрномъ пониманіи или въ недостаточномъ знаніи Гегеля; что, увлекшись тяготѣніемъ къ реализму и непріязненнымъ чувствомъ къ философскому романтизму, онъ совершенно произвольно отождествилъ «разумную дѣйствительность» съ реальной дѣйствительностью, затѣмъ съ исторической необходимостью и, наконецъ, даже съ обыденностью. Теперь Бѣлинскій разрываетъ съ подобнаго рода «гегельянствомъ»; теперь онъ видитъ весь ужасъ окружающей его исторической дѣйствительности—эпохи официальнаго мѣщанства; теперь онъ сознаетъ, какъ жестоко страдаетъ отъ этой дѣйствительности дорогая ему отнынѣ реальная личность: и, категорически разрывая съ Гегелемъ (конечно, не съ истиннымъ Гегелемъ, а съ руссифицированнымъ), Бѣлинскій заявляетъ, что всякая реальная дѣйствительность—неразумна. Теперь для него дѣйствительность—это палачъ, а потому «пора освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности» (письмо къ Боткину, 15 янв. 1841 г.); теперь поднимается Бѣлинскимъ бунтъ противъ Гегеля; теперь въ отвѣтъ на гегельянскую теорію, что Духъ приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, Бѣлинскій съ негодованіемъ отвѣчаетъ: «такъ это я не для себя сознаю, а для духа... что же я ему за дуракъ достался, лучше не буду вовсе думать, что мнѣ за забота до его сознанія»... (такъ передаетъ слова Бѣлинскаго Герценъ); теперь Бѣлинскій, подобно Ивану Карамазову, почтительнѣйше возвращаетъ Егору Ѳедорычу билетъ на право входа во вселенскую гармонію. «Субъектъ у него—возмущается Бѣлинскій—не самъ по себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго; а это общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молохомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ), бросаетъ его какъ старые штаны»... (письмо къ Боткину, 1-го марта 1841 г.).

Итакъ, отъ «пошлой дѣйствительности» фиктианства къ «разумной дѣйствительности» гегельянства, а оттуда къ «гнусной расшейской дѣйствительности» эпохи официальнаго мѣщанства—вотъ путь, совершенный Бѣлинскимъ въ три-четыре года; вступая въ эпоху соро-

ковыхъ годовъ, онъ становится въ рѣзко оппозиціонное положеніе тому порядку вещей, при которомъ «все благородное страдаетъ, одни скоты блаженствуютъ», при которомъ приходится «быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія животной силы» и который является только въ «эпоху общественнаго недуга». Борьба не на жизнь, а на смерть съ официальнымъ мѣщанствомъ и его дѣтищемъ, мѣщанствомъ этическимъ, становится отнынѣ центральной задачей Бѣлинскаго; это прежде всего борьба съ неразумной дѣйствительностью и вмѣстѣ съ тѣмъ борьба за человѣческую личность. «Проклинаю мое стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью!.. Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!—какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это—мысль и дума вѣка!» (письмо къ Боткину, 4 окт. 1840 г.). Эта знаменитая фраза—высшее проявленіе соціологическаго индивидуализма во всей русской жизни и литературѣ XIX-го вѣка; она характерна, какъ вступленіе къ сороковымъ годамъ и къ направленію западничества, однимъ изъ признанныхъ родоначальниковъ и вождей котораго сталъ Бѣлинскій.

Соціологическій индивидуализмъ и этический индивидуализмъ—вотъ главныя характеристическія черты Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ (о нѣкоторыхъ колебаніяхъ его этическаго индивидуализма мы еще скажемъ ниже); это полный разрывъ съ міровоззрѣніемъ періода гегельянства. Реальная личность въ первое время освобожденія Бѣлинскаго изъ гегельянскаго плѣна заслонила собою весь остальной міръ. Мы слышали только-что отъ Бѣлинскаго, что для него человѣческая личность теперь выше общества, выше человѣчества; теперь для него «человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе—вздоръ, чортъ съ нимъ... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего»... (письмо къ Боткину, 25 окт. 1840 г.). Мы видѣли негодованіе Бѣлинскаго на Гегеля за то, что для послѣдняго «субъектъ не самъ по себѣ цѣль, но средство»...; теперь идея вселенской гармоніи, построенной на страданіяхъ реальныхъ личностей, приводитъ Бѣлинскаго въ неистовство: здѣсь у него впервые въ русской литературѣ раздаются глубоко трагическія ноты сознанія различія интересовъ реальной личности и шествующаго по пути прогресса человѣчества. «Ты, я знаю, будешь надо мной смѣяться,—пишетъ Бѣлинскій Боткину,—но смѣйся какъ хочешь, а я—свое: судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора, т.-е. гегелевской Allgemeinheit. Мнѣ говорятъ: развивая всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби.

дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься—падай, чортъ съ тобой, таковский и былъ с. с...! Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ, кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суетвѣрія, инквизиціи, Филиппа II и проч., и проч.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головой. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи»... (1-го марта 1841 г.). Мотивъ, который впервые прозвучалъ въ этихъ замѣчательныхъ словахъ, въ послѣдствіи, въ семидесятихъ годахъ, былъ развитъ въ ширину и въ глубину: въ ширину—въ стройной и гармоничной системѣ социологическаго индивидуализма Михайловскаго, въ глубину—въ гениальныхъ концепціяхъ этического индивидуализма Достоевскаго; и Профанъ, и Иванъ Карамазовъ одинаково вышли изъ Бѣлинскаго.

Съ такой вдохновенной проповѣдью социологическаго и этического индивидуализма вступилъ Бѣлинскій въ послѣдній періодъ своей жизни и дѣятельности, заполняющій сороковые годы (1840—1848 г.). Отъ гегельянства у него остались только внѣшнія формы, но въ формы эти было влито отнюдь не гегельянское содержаніе (см. объ этомъ Герценъ, «Былое и думы»; II, 142). Теперь Бѣлинскій переходитъ окончательно къ реализму; онъ окончательно порываетъ съ религиознымъ романтизмомъ и ирраціонализмомъ, и въ концѣ концовъ въ немъ сказывается раціонализмъ: къ этому вполнѣ послѣдовательно привело его гегельянство, въ которомъ онъ саморазвивающуюся абсолютную Идею Гегеля замѣнилъ идеей съ маленькой буквы. Правда, типичнымъ раціоналистомъ, какими были въ послѣдствіи интеллигенты шестидесятихъ годовъ, Бѣлинскій не сдѣлался никогда; для него личность всегда была шире разума. Въ этомъ смыслѣ онъ вполнѣ опредѣленно высказался въ своей статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года», гдѣ на первый взглядъ онъ какъ будто отождествляетъ личность съ умомъ: «Умъ—это чловѣкъ въ тѣлѣ или, лучше сказать, чловѣкъ черезъ тѣло, словомъ—личность». Но тутъ же Бѣлинскій подчеркиваетъ, что у самага ума есть своя индиви-

дуальность, безъ которой онъ только мертвый абстрактъ, и такимъ образомъ центръ тяжести снова переносится на индивидуальность, на личность человѣка. «Но что же эта личность, которая даетъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и фенію и безъ которой все — или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность?»—спрашиваетъ далѣе Бѣлинскій. Отвѣта онъ не даетъ, по крайней мѣрѣ, того отвѣта, который впоследствии не задумываясь далъ бы типичный рационалистъ-шестидесятникъ; Бѣлинскій откровенно сознается читателю: «чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь»... И говоря такъ, онъ, несомнѣнно, стоитъ на почвѣ реализма, одинаково далекаго какъ отъ голаго рационализма, такъ и отъ религіознаго романтизма.

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшую оговорку, чтобы не подвергнуться упреку въ смѣшеніи терминовъ. Поэтому подчеркиваемъ еще разъ, что романтизмъ и реализмъ мы понимаемъ исключительно въ смыслѣ, установленномъ въ предыдущихъ главахъ: для насъ реализмъ и романтизмъ прежде всего и главнымъ образомъ категоріи психологическія. Поэтому ясно, что мы не противопоставляемъ реализмъ номинализму и обратно, что имѣетъ мѣсто при пониманіи реализма какъ термина метафизическаго, и то въ условномъ смыслѣ. Крайней реалистической теоріей въ этомъ смыслѣ признается, какъ извѣстно, именно гегельянство, приписывающее высшую и исключительную реальность общимъ идеямъ, Общему (противъ чего впоследствии такъ возсталъ Бѣлинскій), подобно тому какъ эта же система признается и крайнимъ рационализмомъ. Выше мы держались обратной терминологіи и всюду говорили объ *идеалистахъ* тридцатыхъ годовъ, хотя всѣ они и держались теоріи реальности общихъ идей; точно также, говоря о рационализмѣ, мы противопоставляли его исключительно иррационализму и мистицизму. Иначе говоря, подъ реализмомъ, какъ философскимъ терминомъ, не психологическаго, а метафизическаго порядка, мы понимаемъ прежде всего признаніе реальности индивидуальнаго, т.-е. не противопоставляемъ реализмъ номинализму, а напротивъ, сближаемъ оба эти термина. Въ этомъ случаѣ реализмъ, какъ понятіе метафизическое и реализмъ, какъ концепція психологическая въ нашей терминологіи будутъ взаимно дополнять другъ друга. Номинализму мы противопоставляемъ идеализмъ, подъ которымъ понимаемъ прежде всего признаніе исключительной реальности за общими идеями: это—идеализмъ какъ терминъ метафизическій; въ этомъ смыслѣ мы всюду выше говорили объ идеа-

листахъ тридцатыхъ годовъ. Идеализмъ какъ терминъ психологическій и будетъ именно тѣмъ, что мы условились называть романтизмомъ, или, наоборотъ—романтизмъ какъ терминъ метафизическій мы отождествляемъ съ идеализмомъ.

Это разъясненіе необходимо для того, чтобы избѣжать ошибочнаго смѣшенія понятій: пользуясь именно указанной терминологіей, мы говорили объ идеализмѣ, какъ о философскомъ романтизмѣ, и слѣдили за постепеннымъ переходомъ Бѣлинскаго отъ романтизма къ реализму. Мы видѣли, что прежде всего это былъ переходъ отъ романтизма къ реализму, отъ одного психологическаго типа къ другому: Бѣлинскій тяготѣлъ къ землѣ, онъ былъ «весь земной» и стремленіе «за предѣлы предѣльнаго», вообще говоря, было чуждо его натурѣ. Во-вторыхъ, это былъ переходъ отъ одной метафизической системы къ другой: это былъ переходъ отъ идеализма къ реализму, отъ признанія реальности Общаго къ признанію реальности индивидуальнаго. Начало борьбы Бѣлинскаго съ идеей Общаго мы прослѣдили выше; теперь ясно, что это была борьба на почвѣ философіи, и что Бѣлинскій первый въ русской литературѣ пришелъ вполне сознательно къ *философскому индивидуализму*. Далекій отъ анти-индивидуалистическихъ положеній чистаго идеализма, Бѣлинскій однако не впалъ въ противоположную крайность, въ ультра-индивидуализмъ номинализма и крайняго реализма; онъ желалъ синтезировать обѣ эти крайности и односторонности. «Общее выше частнаго, безусловное выше индивидуальнаго, разумъ выше личности — это истина несомнѣнная, противъ которой нечего сказать; но вѣдь общее выражается въ частномъ, безусловное въ индивидуальномъ, а разумъ въ личности, и безъ частнаго, индивидуальнаго и личнаго общее, безусловное и разумное есть только! идеальная возможность, а не живая дѣйствительность»... — такъ писалъ Бѣлинскій въ 5-ой главѣ своихъ знаменитыхъ статей о Пушкинѣ (1844 г.). И мысль эту онъ повторяетъ неоднократно. «Индивидуальность — призракъ безъ общаго; общее, въ свою очередь, призракъ безъ особнаго, индивидуальнаго проявленія» («Русская народная поэзія», 1841 г.); «общее безъ особнаго, индивидуальнаго, дѣйствительно только въ чистомъ мышленіи, а въ живой, видимой дѣйствительности оно—...мертвая мечта» (письмо къ Боткину, 8 сент. 1841 г.); «идея безъ явленія, общее безъ обособленія индивидуальности и личности суть призраки» («Общій взглядъ на народную поэзію», 1841—1848 г.): это основное положеніе философскаго индивидуализма Бѣлинскаго, ставящее его одинаково далеко

и отъ анти-индивидуализма крайняго идеализма и отъ ультра-индивидуализма крайняго номинализма.

Все сказанное выше о философскомъ индивидуализмѣ Бѣлинскаго можно отъ слова и до слова повторить про его соціологическій индивидуализмъ періода 1841—1848 г. «Для меня теперь *человѣческая личность* выше исторіи, выше общества, выше челоѣчества!» — слышали мы отъ Бѣлинскаго его новое *scredo* въ моментъ разрыва съ философскимъ и соціологическимъ анти-индивидуализмомъ. Можно было думать, что Бѣлинскій ударится въ противоположную крайность, чрезмѣрно возвыситъ личность и чрезмѣрно унизитъ общество, признаетъ полную независимость первой отъ послѣдняго — однимъ словомъ, придетъ къ соціологическому номинализму и ультра-индивидуализму. Однако, этого не случилось. Въ періодъ своего философскаго романтизма Бѣлинскій слишкомъ сжился съ субстанціальнымъ пониманіемъ идеи общества, чтобы прийти теперь къ соціологическому номинализму; онъ ясно сознавалъ, что въ такомъ субстанціальномъ пониманіи идеи общества лежитъ зерно глубокой истины, и что даже откинувъ всѣ «субстанціальныя начала» (противъ которыхъ Бѣлинскій былъ теперь «ожесточенъ», см. его письмо къ Боткину, 8 сент. 1841 г.), все-таки необходимо сохранить въ идеѣ общества моментъ восполняющаго ея значенія для каждой индивидуальности. Общество не ограничиваетъ, а пополняетъ собою личность — эта основная тема статьи Бѣлинскаго объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» цѣликомъ перешла и въ послѣдній періодъ дѣятельности Бѣлинскаго. Только въ годъ рѣзкаго разрыва съ былымъ анти-индивидуализмомъ — мы знаемъ, что это былъ 1840 г. — Бѣлинскій одно время какъ будто не зналъ, на что опереть ту самую личность, которая для него стала выше общества и челоѣчества, а потому и повисла безпомощно гдѣ-то въ воздухѣ. Онъ жаловался тогда (въ серединѣ 1840 года) Каткову на «ничтожество челоѣческой личности, столь похожей въ общемъ на мыльный пузырь»; онъ никакъ не могъ примирить въ то время теоретической высоты личности съ ея фактическимъ безсиліемъ и признавался, что его «теперь всего поглотила идея *достоинства челоѣческой личности* и ея горькой участи — ужасное противорѣчіе!» (см. письма къ Боткину, 4 окт. 1840 г. и 15 янв. 1841 г.). Но такое неопредѣленное состояніе Бѣлинскаго продолжалось недолго: онъ понялъ, что въ субстанціальныхъ началахъ соціологіи философскаго романтизма можно найти незыблемую истину — и тотчасъ твердо поставилъ челоѣческую личность на пьедесталъ соціализма.

«Соціальность... вотъ девизъ мой!..» «Я теперь въ новой крайности;— это идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія...» (письмо къ Боткину, 8 сент. 1841 г.); этими словами, какъ извѣстно, окончательно опредѣлилось содержаніе послѣдняго періода жизни Бѣлинскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе сороковыхъ годовъ (1841—1848 гг.). И въ этомъ новомъ содержаніи прежде всего сказались старыя шеллингианскія, фихтианскія и гегельянскія идеи *объ обществѣ, какъ нѣкоторомъ органическомъ цѣломъ*. Мы видѣли, что еще въ первомъ своемъ произведеніи, въ «Литературныхъ мѣтаніяхъ», Бѣлинскій призналъ народы индивидуальностями человѣчества; статью *объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія»* онъ началъ съ утвержденія, что «народъ есть личность, какъ отдѣльный человѣкъ»; и теперь, послѣ 1841 года, Бѣлинскій продолжаетъ стоять на этой же точкѣ зрѣнія,—напримѣръ, въ статьѣ о «Русской народной поэзіи» и въ «Общемъ взглядѣ на народную поэзію и ея значеніе». Наконецъ, уже на закатѣ жизни, въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года», Бѣлинскій почти буквально повторяетъ по этому вопросу слова своихъ первыхъ статей: «что *личность* по отношенію къ идеѣ *человѣка*, то *народность* въ отношеніи къ идеѣ *человѣчества*,— заявляетъ онъ; — другими словами: народности суть личности *человѣчества*». Однако теперь въ эти слова Бѣлинскій уже не вкладываетъ того «субстанціального» смысла, который они имѣли у него раньше, и въ этомъ его главное отличіе отъ соотвѣтственнаго славянофильскаго воззрѣнія, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе, попрежнему изъ этой мысли Бѣлинскій выводитъ принципъ расширенія *человѣческой личности* на почвѣ общества; мы уже сказали, что это было основнымъ и безповоротнымъ завоеваніемъ русской мысли тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. «Во всемъ и вездѣ личность одного пополняетъ собою личность другого и въ свою очередь пополняется личностью другого» — заявляетъ Бѣлинскій, и тутъ же выясняетъ, что общество не есть только ариѳметическая сумма составляющихъ его индивидовъ, какъ это утверждаетъ *соціологическій номинализмъ*; безъ этого общества *человѣкъ* еще не есть личность: «приготовивши въ *человѣкѣ* личность въ возможности, природа предоставила дальнѣйшее развитіе этой личности уже другой, болѣе высшей, болѣе духовной сферѣ жизни: отселѣ *человѣкъ* долженъ былъ развиваться черезъ сообщество съ подобными себѣ»... («Общій взглядъ на народную поэзію»). Признавъ такимъ образомъ вѣрными въ основѣ идеи *субстанціальной соціологіи*, Бѣлинскій тѣмъ самымъ спасъ себя отъ крайняго *соціологическаго номинализма* и

ультра-индивидуализма; однако, признавая вѣрной въ основѣ идею идеалистической философіи объ обществѣ, какъ восполненіи личности, Бѣлинскій обосновываетъ теперь эту идею на реалистической почвѣ *соціальности*.

«*Дѣйствительность* — вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра!»—воскликаетъ Бѣлинскій, окончательно придя къ реализму (см. статью «Рѣчь о критикѣ», 1842 г.). Но, конечно, дѣйствительность эта — не «пошлая дѣйствительность» фихтианства и не гегельянская «разумная дѣйствительность», обратившаяся теперь для Бѣлинскаго въ дѣйствительность неразумную, въ «гнусную расейскую дѣйствительность» эпохи оффиціального мѣщанства; теперь Бѣлинскій обосновываетъ дѣйствительность на идеѣ соціальности: «дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности— общество»... (письмо къ Боткину, 8 сент. 1841 г.). «Увы, другъ мой,— писалъ Бѣлинскій около того же времени, — безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ... Человѣчество есть абстрактная почва для развитія души индивидуума, а мы всѣ (Бѣлинскій имѣетъ въ виду идеалистовъ тридцатыхъ годовъ) выросли изъ этой абстрактной почвы» (письмо къ Боткину, 27 іюня 1841 г.). Теперь съ этой абстрактной почвы необходимо было перейти на почву дѣйствительности, отъ идеи человѣчества къ идеѣ народа и общества; здѣсь лежитъ зерно отрицательнаго отношенія Бѣлинскаго къ «гуманическому космополитизму» — новый пунктъ, сближающій его съ славянофилами,—хотя, конечно, общечеловѣческіе идеалы никогда не оставались чуждыми Бѣлинскому (равно какъ и славянофиламъ): «да будетъ проклята всякая народность, исключаящая изъ себя человѣчность!»—горячо восклицаетъ неистовый Виссаріонъ (*ibid.*). Во всякомъ случаѣ отъ «абстрактнаго» человѣчества Бѣлинскій пришелъ къ «реальному» обществу, понимая эту реальность, конечно, не въ смыслѣ крайнихъ органическихъ теорій, а въ томъ смыслѣ, что только общество есть реальная почва для развитія личности, что только взаимная связь личностей можетъ способствовать восполненію каждой изъ нихъ отдѣльно. Мы уже знаемъ, что это было реакціей Бѣлинскаго теоріямъ крайняго соціологическаго номинализма и ультра-индивидуализма. Еще въ серединѣ 1840-го года онъ писалъ Боткину: «всякая индивидуальность есть столько же ложь, сколько и истина—человѣкъ ли то, народъ ли, и только ознакомляясь съ другими индивидуальностями они выходятъ изъ своей индивидуальной ограниченности» (13-го іюня 1840 г.). Ультра-индивидуализмъ, порывающій связи съ обществомъ, въ концѣ концовъ впадаетъ въ односторон-

ность и ограниченность: «самобытное, не на почвѣ дѣйствительности, не въ сферѣ общества совершающееся развитіе всегда доводитъ до уродства»... (1844 г.). Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей — «Взглядъ на русскую литературу 1846 года» — Бѣлинскій полно и подробно развиваетъ эту же мысль о восполняющемъ значеніи общества для личности. «Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей—пишетъ Бѣлинскій—и по тому самому есть ограниченіе человеческой сущности; ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его гениальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой-нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей, т.-е. сдѣлать ихъ существованіе ненужнымъ, но даже и ни одного человѣка... Всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ»... Но подчеркивая такимъ образомъ свое полное несогласіе съ ультра-индивидуализмомъ, Бѣлинскій въ то же самое время еще болѣе опасался подавленія личности обществомъ и теоріи анти-индивидуализма; вотъ почему онъ всегда такъ выставляетъ на первый планъ реальную личность, говоритъ о своей «фанатической любви къ свободѣ и независимости человеческой личности», считаетъ обаятельнымъ міръ древности за основу его жизни—«гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства». Въ одной изъ своихъ предсмертныхъ статей Бѣлинскій категорически выражаетъ мысль синтеза личности и общества, которая характерна для всего этого періода его жизни: «личность внѣ народа есть призракъ,—говоритъ онъ,—но и народъ внѣ личности есть тоже призракъ. Одно условливается другимъ. Народъ — почва, хранящая жизненные соки всякаго развитія; личность — цвѣтъ и плодъ этой почвы» (реценз. на «Сельское Чтеніе» 1848 г.).

Однако, какъ перейти къ живой дѣйствительности отъ всѣхъ этихъ теоретическихъ построеній? Путь въ то время былъ только одинъ и Бѣлинскій пошелъ по этому пути—отъ теоретическаго признанія социальности къ *соціализму*, къ тому утопическому соціализму, расцвѣтомъ котораго ознаменовались тридцатые и сороковые годы въ Европѣ. Въ Бѣлинскомъ, также какъ нѣсколько раньше его въ молодыхъ русскихъ сень-симонистахъ (кружокъ Герцена и Огарева начала тридцатыхъ годовъ), а нѣсколько позднѣе его въ петрашевцахъ, русская соціалистическая мысль переживала періодъ своего утопизма. Практическіе вопросы отходили на послѣдній планъ, а если и ставились на очередь, то разрѣшеніе ихъ было очень часто самымъ фан-

тастическимъ; въ этомъ отношеніи даже зачаточныя соціалистическія воззрѣнія Пестеля являются образцами вполне реальныхъ построений. У Пестеля мы видѣли детально разработанный аграрный социализмъ, но объ основахъ коммунистическихъ теорій Пестель, разумѣется, не имѣлъ въ то время ни малѣйшаго представленія; у Бѣлинскаго и русскихъ социалистовъ сороковыхъ годовъ мы не найдемъ тщательно выработанной ни аграрной, ни иной программы: они увлекались самыми основами социализма, однимъ ударомъ разсѣкавшего запутанный гордіевъ узелъ всѣхъ проклятыхъ социальныхъ вопросовъ. Фаланстеръ Фурье или Икарія Кабэ были радикальнымъ рѣшеніемъ социального вопроса, во всякомъ случаѣ болѣе радикальнымъ, чѣмъ «ager publicus» Пестеля... Но кромѣ того русскіе социалисты-утописты сороковыхъ годовъ видѣли въ социализмѣ рѣшеніе не только социальной, но и этической проблемы. Въ социализмѣ Бѣлинскій видѣлъ возможность общества; «основаннаго на правдѣ и доблести», при которой только и достижима независимость человеческой личности». Начинается увлеченіе Бѣлинскаго прежде всего Жоржъ Зандъ, а затѣмъ его знакомство съ Леру, Кабэ, Сень-Симономъ, Прудономъ, Луи Бланомъ, Фурье и Марксомъ (интересно отмѣтить также и знакомство его со Штирнеромъ); изъ мыслителей особенно близки Бѣлинскому стали Фейербахъ и Штраусъ; другими словами: путь, самостоятельно пройденный Бѣлинскимъ, привелъ его къ крайнимъ лѣвымъ гегельянцамъ. Изъ всего изложеннаго выше достаточно ясно, что въ утопическомъ социализмѣ Бѣлинскій увлекался не коммунистическими его идеалами, иногда носящими вполне анти-индивидуалистическую окраску. Большинство типичныхъ коммунистовъ въ основу своихъ теорій клали необходимость абсолютнаго подчиненія личности обществу; сенсимонисты, съ которыми въ лицѣ Анфантена и др. ближе всего былъ ознакомленъ Бѣлинскій, регламентировали не только трудъ, но и всѣ проявленія индивидуальной жизни, начиная отъ свободы совѣсти и кончая костюмомъ и прической. Ясно, какъ могъ относиться Бѣлинскій, этотъ фанатикъ свободы человеческой личности, къ подобнымъ построениямъ. Въ утопическомъ социализмѣ Бѣлинскій искалъ прежде всего рѣшенія сознанныхъ имъ экономическихъ антиномій, не останавливаясь на палліативахъ; минутами неистовый Виссаріонъ готовъ былъ жертвовать фиктивные милліоны на устройство фаланстера или на осуществленіе утопій Кабэ (см. воспоминанія Анненкова, Гончарова и др.), но въ то же время нигдѣ и никогда онъ не высказался за то подчиненіе личности обществу, на которомъ основаны многія изъ утопій социализма того времени. Этический принципъ, признаніе челоѣка самоцѣлью были

постояннымъ духовнымъ имуществомъ Бѣлинскаго и, несмотря на весь свой рационализмъ, онъ никогда не доходилъ до утилитаризма, оставаясь даже въ социализмѣ этическимъ индивидуалистомъ: мы имѣемъ на это, кромѣ первоисточниковъ—произведеній Бѣлинскаго—еще одно свидѣтельство, тѣмъ болѣе цѣнное, что исходитъ оно отъ лица, враждебно относящагося къ міровоззрѣнію Бѣлинскаго этой эпохи. «Я засталъ его страстнымъ социалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма,—вспоминалъ въ послѣдствіи Достоевскій.—Выше всего цѣня разумъ, науку и реализмъ, онъ въ то же время понималъ глубже всѣхъ, что одни разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не социальную «гармонію», въ которой бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему—начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы социализма... онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ... Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности онъ отрицалъ радикально... Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, что, отрицая нравственную отвѣтственность личности, онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ и свободу ея; но онъ вѣрилъ всѣмъ существомъ своимъ... что социализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ, возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ» («Дневникъ писателя», 1873 г.).

Да, такова дѣйствительно была глубокая вѣра Бѣлинскаго, сохранившаго, вообще говоря, свой этическій индивидуализмъ во всей его неприкосновенности до послѣднихъ своихъ дней; онъ сдумалъ уберечь его отъ рѣзкаго анти-индивидуализма русскаго гегельянства, а теперь тѣмъ легче уберечь отъ анти-индивидуалистическихъ тенденцій западно-европейскаго коммунизма. Въ началѣ періода «соціальности» онъ снова выставляетъ впередъ принципъ этическаго индивидуализма: «каждый человѣкъ — самъ себѣ цѣль; назначеніе каждаго человѣка — развить въ себѣ все человѣческое, общее и насладиться имъ»... («Русская народная поэзія»); въ седьмой главѣ своихъ статей о Пушкинѣ, написанной въ эпоху апогея увлеченія социализмомъ (1844 г.), Бѣлинскій еще ярче формулируетъ тотъ же принципъ этическаго индивидуализма: «одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человѣкѣ, безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ — человѣкъ»... Такимъ образомъ только ту часть утопическаго социализма могъ принять Бѣлинскій, которая не становилась поперекъ дороги его этическому индивидуализму. Правда, и тутъ неистовый Виссаріонъ иногда проти-

ворѣчилъ самъ себѣ отдѣльными вспышками своего увлеченія; иногда онъ высказывалъ такія крайнія анти-индивидуалистическія мысли, отъ которыхъ не отказался бы впослѣдствіи и Шигалевъ и Великій инвизиторъ Достоевскаго, основной мыслью которыхъ была жертва одной частью человѣчества ради блага другой: вѣдь Шигалевъ лучшимъ рѣшеніемъ соціальной проблемы считаетъ уничтоженіе девяти десятыхъ человѣчества для счастья остальной одной десятой части... И подумать только, что не кто иной какъ Бѣлинскій впервые выразилъ эту уродливую мысль! «...Личность человѣческая — пишетъ онъ Боткину — сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество по-маратовски: чтобы сдѣлать счастливую малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечемъ истребилъ бы остальную»... (28 іюня 1841 г.). Кажется, трудно найти что-либо болѣе противоположное основной мысли Бѣлинскаго объ абсолютномъ значеніи человѣческой личности, чѣмъ эту поистинѣ шигалевскую теорію... Бѣлинскій впалъ такимъ образомъ въ ту же ошибку, которую самъ же онъ совершенно правильно подчеркнул въ пушкинскомъ Алеко и въ которой, какъ мы видѣли, выражалась раздвоенность Лермонтова — въ ошибку смѣшенія соціологическаго индивидуализма и этического анти-индивидуализма. Правда, въ Бѣлинскомъ это было только мимолетнымъ облачкомъ, не нарушившимъ стройности и яркости его міровоззрѣнія; онъ глубоко понималъ, что обычная теорія прогресса, считающая цѣल्या поколѣнія людей средствомъ для счастливой жизни будущихъ поколѣній, есть та же «шигалевщина», т.-е. этической анти-индивидуализмъ, только не въ пространствѣ, а во времени (подобно тому какъ «шигалевщина» есть сведеніе теоріи прогресса къ одному моменту, разсмотрѣніе ея не во времени, а въ пространствѣ). И въ то же самое время, когда Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину высказывалъ свой маратовскій проектъ рѣшенія соціальной проблемы, эту шигалевщину въ пространствѣ, онъ прекрасно сознавалъ всю антииндивидуалистичность (этическую) обычной теоріи прогресса, эту шигалевщину во времени.—«Что мнѣ въ томъ, — пишетъ онъ тогда же и тому же Боткину, — что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно, и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно?..» Дѣйствительно, плохое утѣшеніе въ томъ, что черезъ нѣсколько поколѣній Филиппъ или Сидоръ будутъ жить въ бѣлой избѣ, въ то время какъ изъ меня лопухъ будетъ расти (Базаровъ): это сознала впослѣдствіи и интеллигенція конца шестидесятыхъ годовъ, получившая названіе нигилистической, это созналъ на четверть вѣка раньше и Бѣлинскій. Шигалевщина во времени и въ пространствѣ была ему

одинаково противна, и маратовскій проектъ былъ только временнымъ колебаниемъ его принципа этического индивидуализма. Мы скоро увидимъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ Герценъ развилъ въ стройную теорію взгляды Бѣлинскаго на прогрессъ.

Таковъ былъ Бѣлинскій въ періодъ своего увлеченія социализмомъ; мы видѣли, что приматъ реальной личности — основная черта этой эпохи; «что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность?» (письмо къ Боткину, 8 сент. 1841 г.)—девизъ этой эпохи. Въ послѣдній годъ своей жизни Бѣлинскій, несомнѣнно, разочаровался въ утопическомъ социализмѣ, онъ все время стремился обосновать свою «социальность» на болѣе реальной почвѣ, на почвѣ реальныхъ экономическихъ отношеній: многія указанія на это можно найти въ его предсмертныхъ письмахъ (къ Боткину, 6 февр. 1847 г.; къ Кавелину, 22 ноября 1847 г.; къ Анненкову, 15 февр. 1848 г. и др.). Социалисты, по мнѣнію Бѣлинскаго, выродились изъ фантазій генія Руссо; ихъ воззрѣнія на народъ—утопизмъ и фантастика... Къ чему же теперь склонялся Бѣлинскій? Онъ какъ будто бы теперь ожидалъ спасенія отъ буржуазіи, полагая, что только рожденіе этого класса въ Россіи можетъ дать толчекъ «внутреннему процессу гражданскаго развитія» послѣдней; освобожденіе народа должно было совершиться черезъ отдѣльныхъ личностей этой самой буржуазіи, ибо «гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности...» (письмо къ Анненкову); «развитіе всегда и вездѣ совершалось черезъ личности»—повторяетъ онъ въ рецензіи на «Сельское Чтеніе» (1848 г.). Бѣлинскій, однако, дожилъ до великой социальной революціи 1848 года, и умеръ, съ надеждою глядя на Западъ. Онъ умеръ во-время, такъ какъ ему не пришлось пережить тяжелые дни кроваваго подавленія этой революціи той самой буржуазіей, на которую онъ возлагалъ всѣ свои надежды въ развитіи социальной жизни Россіи; онъ не пережилъ страшныхъ дней іюня мѣсяца 1848 года, навсегда наложившихъ гнетущій отпечатокъ на душу Герцена и заставившихъ его съ надеждою перенести взоры съ Запада на Востокъ. Куда бы перенесъ свои надежды Бѣлинскій послѣ этого кроваваго конца утопическаго социализма и въ то же время—окончательнаго нравственнаго паденія буржуазіи? Гадать о томъ, что могло бы случиться, если бы и т. д. — весьма непроизводительный трудъ; но у насъ есть нѣкоторыя, хотя и незначительныя данныя, позволяющія предполагать, что Бѣлинскій, совершенно независимо отъ Герцена, пришелъ бы къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришелъ послѣдній послѣ 1848 года. Герценъ началъ съ того, на чемъ смерть остановила Бѣлинскаго. Мы отмѣчали выше, что по-

слѣдній былъ въ нѣкоторыхъ своихъ взглядахъ близокъ къ славянофильству, что самъ и признавалъ вполне открыто, считаясь въ то же время признаннымъ вождемъ западниковъ. Въ письмѣ къ Кавелину находимъ откровенное признаніе Бѣлинскаго: «вы обвиняете меня въ славянофильствѣ, это не совсѣмъ неосновательно...»; въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу 1846 года» Бѣлинскій открыто и публично заявляетъ, что нѣкоторыя положенія славянофильства (дѣло идетъ объ индивидуальности народа) ему до извѣстной степени симпатичны. Наконецъ, Кавелинъ рассказывалъ впослѣдствіи, что «въ Москвѣ, въ одномъ разговорѣ съ Грановскимъ, при которомъ я (Кавелинъ) присутствовалъ, Бѣлинскій даже выражалъ славянофильскую мысль, что Россія лучше сдумаетъ разрѣшить соціальный вопросъ... чѣмъ Европа»... (Кавелинъ, Собр. соч., т. III, стр. 1091). Но это, какъ увидимъ, не только славянофильская мысль, а и основная мысль «русскаго социализма» — *народничества* и его родоначальника — Герцена; это народничество было единственно возможнымъ дальнѣйшимъ путемъ развитія Бѣлинскаго.

Однако, не будемъ говорить о томъ, что могло бы случиться, а лучше закончимъ знакомство съ дѣятельностью Бѣлинскаго въ сороковыхъ годахъ разсмотрѣніемъ его эстетическихъ теорій, въ которыхъ онъ былъ такимъ яркимъ ультра-индивидуалистомъ въ періодѣ своего гегельянства. Теперь, конечно, онъ круто отвернулся отъ своего былого эстетическаго ультра-индивидуализма и чуть было не ударился въ противоположную крайность эстетическаго анти-индивидуализма; по крайней мѣрѣ, онъ былъ близокъ къ нему. Онъ созналъ, что въ періодѣ своего гегельянства онъ висѣлъ на волоскѣ надъ болотомъ эстетизма; «искусство задушило, было, меня», пишетъ онъ Боткину (16 января 1841 г.); теперь онъ о Шиллерѣ не можетъ и думать, не задыхаясь отъ восторга, а къ Гете начинаетъ чувствовать родъ ненависти; вообще у него «рождается какая-то враждебность противъ объективныхъ созданий искусства (30 дек. 1840 г. и 8 сент. 1841 г.). И дѣйствительно, протестъ и реакція противъ ~~былого эстетизма~~ переходятъ у Бѣлинскаго иногда въ эстетическій анти-индивидуализмъ: «искусство — не господинъ, а рабъ: оно служитъ постороннимъ для него цѣлямъ» — категорически заявляетъ Бѣлинскій (см. статью о «Тарантасѣ», 1845 г.); эти постороннія цѣли, конечно, прежде всего — соціальность. Но у Бѣлинскаго это только случайная вспышка крайняго анти-индивидуализма въ эстетикѣ, такая же случайная, какъ и его шигалевщина въ области этического индивидуализма; вообще же говоря, онъ рѣзко осуждаетъ и безжизненное «чистое искусство» ультра-

индивидуализма и тенденціозное искусство анти-индивидуализма съ его «готовыми идеями» и «благонамѣренными тенденціями» (см. Взглядъ на русскую литературу 1847 года). Правда, Бѣлинскій изрѣдка и мимоходомъ упоминаетъ, что духъ современной эпохи «рѣшительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты» (см. «Рѣчь о критикѣ», 1842 г.), но напрасно выводитъ отсюда то заключеніе — къ сожалѣнію, общераспространенное въ настоящее время, — что будто бы Бѣлинскій подчинялъ искусство идеѣ общественной пользы. Ни въ этикѣ, ни въ эстетикѣ Бѣлинскій не былъ утилитаристомъ никогда, такъ что напрасно шестидесятники въ этомъ отношеніи считали его своимъ родоначальникомъ. Въ той мысли, что искусство само себѣ цѣль, по мнѣнію Бѣлинскаго, «заключается значительная часть истины», но не вся истина—и мы знаемъ, что это является основнымъ положеніемъ эстетическаго индивидуализма, равно далекаго отъ крайностей и эстетизма и тенденціознаго искусства. Въ своей послѣдней большой статьѣ («Взглядъ на русскую литературу 1847 года») Бѣлинскій снова повторяетъ, что въ мысли о самоцѣльности искусства «есть основаніе», но также есть и преувеличенность. «Безъ всякаго сомнѣнія,—заявляетъ онъ,—искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху», какъ видимъ, это очень далеко отъ мимолетнаго заявленія о томъ, что искусство—не господинъ, а рабъ... Итакъ, искусство *прежде всего* должно быть искусствомъ, и съ этой точки зрѣнія заключается значительная доля истины въ положеніи: цѣль искусства—искусство. Однако, если мы остановимся на этомъ, то впадемъ въ эстетизмъ, необходимо идти дальше, необходимо признать, что искусство глубоко связано съ жизнью, а не оторвано отъ нея, что художникъ *прежде всего*—человѣкъ. Это прекрасно понималъ и Бѣлинскій.—Онъ подчеркивалъ поэтому, что чистое искусство—миоѣ, что его «никогда и нигдѣ не бывало»—и это совершенно вѣрно въ томъ смыслѣ, что никогда художникъ не можетъ быть только художникомъ, а не человѣкомъ; если же такіе случаи и возможны, то этотъ видъ искусства—чистый эстетизмъ—неизбѣжно и скоро подвергается вырожденію, губитъ самъ себя. Искусство создается жизнью, а не жизнь искусствомъ; художникъ долженъ быть человѣкомъ, а не человѣкъ долженъ сокращаться до художника; художникъ долженъ жить въ самой гущѣ жизни, долженъ какъ эхо отзываться на всѣ звуки жизни, и только тогда его творчество достигнетъ глубины и высоты. Гёте, этотъ величайшій представитель «искусства для искусства», и Шиллеръ, широчайшее

воплощеніе челоѣка въ художникѣ, никогда не ставили искусству опредѣленную цѣль и въ то же время никогда не замыкались отъ жизни въ художественномъ эстетизмѣ. И Бѣлинскій ясно сознавалъ, что сами по себѣ ни красота, ни польза не составляютъ сути искусства; эстетизмъ и утилитаризмъ въ искусствѣ—одинаковыя односторонности; въ этомъ основаніе эстетическаго индивидуализма послѣдняго періода его жизни и дѣятельности.

На этомъ мы окончимъ наше знакомство съ Бѣлинскимъ, оставляя совершенно въ сторонѣ его роль, какъ критика. Конечно, значеніе его въ этой области было громадно; обладая тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, вѣрнымъ и трезвымъ взглядомъ, способностью по первымъ, слабымъ проявленіямъ узнавать значительный талантъ, Бѣлинскій по праву заслужилъ наименованіе «великаго критика земли русской»... Но, конечно, понимать его такъ, значило бы безконечно ограничить дѣйствительное значеніе Бѣлинскаго; опредѣлить Бѣлинскаго словомъ «критикъ»—это все равно, что назвать Достоевскаго «романистомъ»: это только случайная, внѣшняя форма ихъ проявленія. Безспорно, Достоевскій—романистъ, но прежде всего онъ глубокой религіозный мыслитель; Бѣлинскій—критикъ, но прежде всего онъ творецъ этико-соціологическаго міровоззрѣнія. Критикомъ онъ былъ поневолѣ, особенно въ эпоху сороковыхъ годовъ; онъ сознавалъ въ себѣ способности и силы пламеннаго проповѣдника, трибуна. «Природа осудила меня лаять собакою и вѣть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лиси»—это его собственное признаніе. Только въ своихъ письмахъ Бѣлинскій былъ тѣмъ «неистовымъ Виссаріономъ», какимъ онъ былъ въ жизни; письма Бѣлинскаго—драгоценнѣйшіе литературные документы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ минувшаго вѣка, и выше мы обильно пользовались ими для характеристики воззрѣній и этой эпохи, и самого Бѣлинскаго. Одно изъ этихъ писемъ сыграло громадную роль въ исторіи русскаго сознанія; мы имѣемъ въ виду знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю (изъ Зальцбрунна, отъ 15 іюля 1847 г.), являющееся уничтожающимъ отвѣтомъ на «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» послѣдняго. Письмо это—оглушительная пощечина неистоваго Виссаріона этическому мѣщанству Гоголя; оно слишкомъ извѣстно, чтобы намъ надо было на немъ останавливаться, достаточно указать на его громадное общественное значеніе въ эпоху террора оффиціального мѣщанства. По свидѣтельству И. Аксакова, письмо это учили наизусть въ самой глухой провинціи, его читали, переписывали и распространяли въ сотняхъ списковъ; послѣ эпохи декабристовъ и руко-

писной литературы двадцатых годовъ, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю стало первымъ «нелегальнымъ» произведеніемъ, нашедшимъ массоваго читателя; оттого такъ и огромно практическое значеніе этого письма, съ которымъ правительство вело безуспѣшную, но ожесточенную борьбу, карая за распространеніе его каторгой и даже приговаривая за недонесеніе о его распространеніи къ смертной казни, какъ это было съ нѣкоторыми изъ петрашевцевъ, напимѣръ, съ Достоевскимъ.

Однако мы только вскользь касаемся этого значенія Бѣлинскаго, равно какъ и его значенія въ области чисто-литературной. Глубоко важная для историка русской литературы дѣятельность Бѣлинскаго, какъ критика, является для насъ эпизодомъ третьестепеннаго значенія при изученіи развитія мысли русской интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ; для насъ Бѣлинскій—главнѣйшій представитель этой интеллигенціи, жадно искавшей путей къ истинѣ, справедливости и красотѣ въ теченіе тридцатыхъ годовъ и нашедшей определенное рѣшеніе въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Такова исторія русской интеллигенціи; таковою была и исторія Бѣлинскаго.

«Всякій рано или поздно попадаетъ на свою полочку»—говаривала Бѣлинскій («Воспоминанія» Тургенева). Попала на свою полочку и русская мысль, мятежно рвавшаяся къ истинѣ цѣлыхъ долгихъ десять лѣтъ и въ этихъ порывахъ описывавшая крутые «зигзаги развитія», по выраженію Бѣлинскаго же. И эти зигзаги, эти мучительныя исканія дѣлаютъ русской интеллигенціи тридцатыхъ годовъ величайшую честь. Еще разъ воспользуемся словами Бѣлинскаго: «чѣмъ глубже натура человѣка, тѣмъ глубже и его паденіе, и его заблужденіе, его противорѣчія и отрицанія, тѣмъ рѣзче переходы отъ одного убѣжденія къ другому»... И прежде всего это приложимо къ самому Бѣлинскому. Намъ не для чего, конечно, оправдывать переходы Бѣлинскаго отъ одного убѣжденія къ другому: если онъ и мѣнялъ убѣжденія, то мѣнялъ ихъ, какъ копейку на рубль, по собственному его же сравненію (см. Гончаровъ, «Замѣтки о личности Бѣлинскаго»); въ нихъ сказывалась только глубина его природы, подобную которой по силѣ, красотѣ и непосредственности не часто создавала русская жизнь XIX-го вѣка. Болѣе чѣмъ про кого-нибудь изъ представителей русской интеллигенціи, про Бѣлинскаго можно сказать безсмертными словами: «человѣкъ онъ былъ!»...—освѣщая этимъ его «прекрасную душу», его глубокой умъ, его чудное сердце и всю полноту его жизни.

Бѣлинскій—это въ значительной степени олицетвореніе и отраженіе идеалистовъ тридцатыхъ годовъ, но въ то же время—далеко не вся русская интеллигенція слѣдующаго десятилѣтія; поэтому, окончивъ

рѣчь о Бѣлинскомъ сороковыхъ годовъ, мы далеко не кончили знакомства съ сороковыми годами вообще: о нихъ рѣчь впереди. А теперь, окидывая однимъ взглядомъ всю жизнь и дѣятельность Бѣлинскаго, съ той точки зрѣнія, на которой мы стоимъ въ этомъ изслѣдованіи, мы увидимъ слѣдующую картину ¹⁾:

Тридцатые годы начались для Бѣлинскаго, а вмѣстѣ съ нимъ и для всей русской интеллигенціи типичнымъ *философскимъ анти-индивидуализмомъ*, на почвѣ котораго возросъ своеобразный *эстетическій индивидуализмъ* періода шеллингянства и *этическій индивидуализмъ* эпохи фихтянства, вскорѣ дошедшій до крайности и приведшій русскую интеллигенцію къ мимолетному періоду этического мѣщанства (1836—1837 гг.). Вмѣстѣ съ гегельянствомъ пришла реакція, выразившаяся главнымъ образомъ въ *соціологическомъ анти-индивидуализмѣ* и продолжавшаяся до начала сороковыхъ годовъ. Начиная съ этого времени пути всей русской интеллигенціи и дальнѣйшій путь Бѣлинскаго не покрываютъ другъ друга, и мы припомнимъ только послѣдующую эволюцію Бѣлинскаго. Сороковые годы начинаются для него разрывомъ со всѣми «субстанціальными началами» и переходомъ къ *философскому индивидуализму*, въ терминахъ котораго формулируется и переходъ Бѣлинскаго отъ романтизма къ реализму; въ это же самое время эстетическій индивидуализмъ Бѣлинскаго, въ періодъ гегельянства перешедшій было въ ультра-индивидуализмъ, вновь возвращается въ прежнее русло. Протестъ противъ гегельянства сказывается здѣсь яркимъ и сильнымъ *соціологическимъ индивидуализмомъ*, который полнѣе всего характеризуетъ собою послѣдній періодъ дѣятельности Бѣлинскаго; этическій индивидуализмъ, несмотря на случайныя колебанія, остается и въ этомъ періодѣ основнымъ принципомъ величайшаго изъ представителей русской интеллигенціи.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ схематическая картина постепеннаго развитія міровоззрѣнія Бѣлинскаго. Мы видимъ, къ чему онъ пришелъ послѣ всѣхъ этихъ «зигзаговъ», казалось бы, весьма прихотливо и неопредѣленно бросавшихъ его мысль по разнообразнымъ направленіямъ: *въ сороковыхъ годахъ Бѣлинскій твердо пришелъ къ философскому, соціологическому, этическому и эстетическому индивидуализму*. И разъ это характеризуетъ Бѣлинскаго, то, вообще говоря, это отчасти характеризуетъ и самые сороковые годы; мы скоро увидимъ, что это дѣйствительно и было такъ, что индивиду-

¹⁾ Дальнѣйшее развитіе этого взгляда на Бѣлинскаго читатели найдутъ въ нашихъ комментаріяхъ къ его юбилейному трехтомному собранію сочиненій (1911 г.), представляющихъ собою цѣльную книгу о Бѣлинскомъ.

лизмъ Бѣлинскаго соединялъ въ себѣ въ одно цѣлое то, что характеризовало въ отдѣльности каждую изъ двухъ партій, на которыя раскололась въ сороковыхъ годахъ русская интеллигенція. И имя Бѣлинскаго въ послѣдствіи съ одинаковымъ уваженіемъ произносилось какъ западниками, такъ и славянофилами.

Бѣлинскій умеръ 26 мая 1848 года. Онъ умеръ во-время: началась мрачная эпоха террора оффиціального мѣщанства... Для Бѣлинскаго былъ уже приготовленъ комендантомъ Петропавловской крѣпости «тепленькій казематъ», въ которомъ, однако, Дуббельтъ желалъ его сгноить заживо, «яростно сожалѣя», что Бѣлинскій умеръ (Кавелинъ, Собр. соч.; III, 1094; Герценъ, «Былое и думы»; II, 152). Смерть избавила Бѣлинскаго отъ этой участи, хотя и лишила его этимъ того терноваго вѣнка, который сдѣлалъ бы его имя изъ великаго святымъ. Но и безъ того это имя окружено для насъ яркимъ ореоломъ борца и мученика за правду-истину и правду-справедливость. Понятно, за что возненавидели его палачи и прихвостни системы оффиціального мѣщанства: они поняли, что Бѣлинскій—это знамя побѣды русской интеллигенціи надъ темными, обезличивающими силами; что если въ разгаръ эпохи мѣщанства, въ эпоху торжества адуевины, безличія и пошлости русская интеллигенція могла выдвинуть изъ своей среды такого человѣка, какъ Бѣлинскій, то это предвѣщало собою близкую гибель мѣщанства отъ нарождающихся свѣжихъ и живыхъ силъ. И они были правы. Бѣлинскій былъ знаменемъ русской интеллигенціи, и на знамени этомъ было написано: «симъ побѣдиши!»...